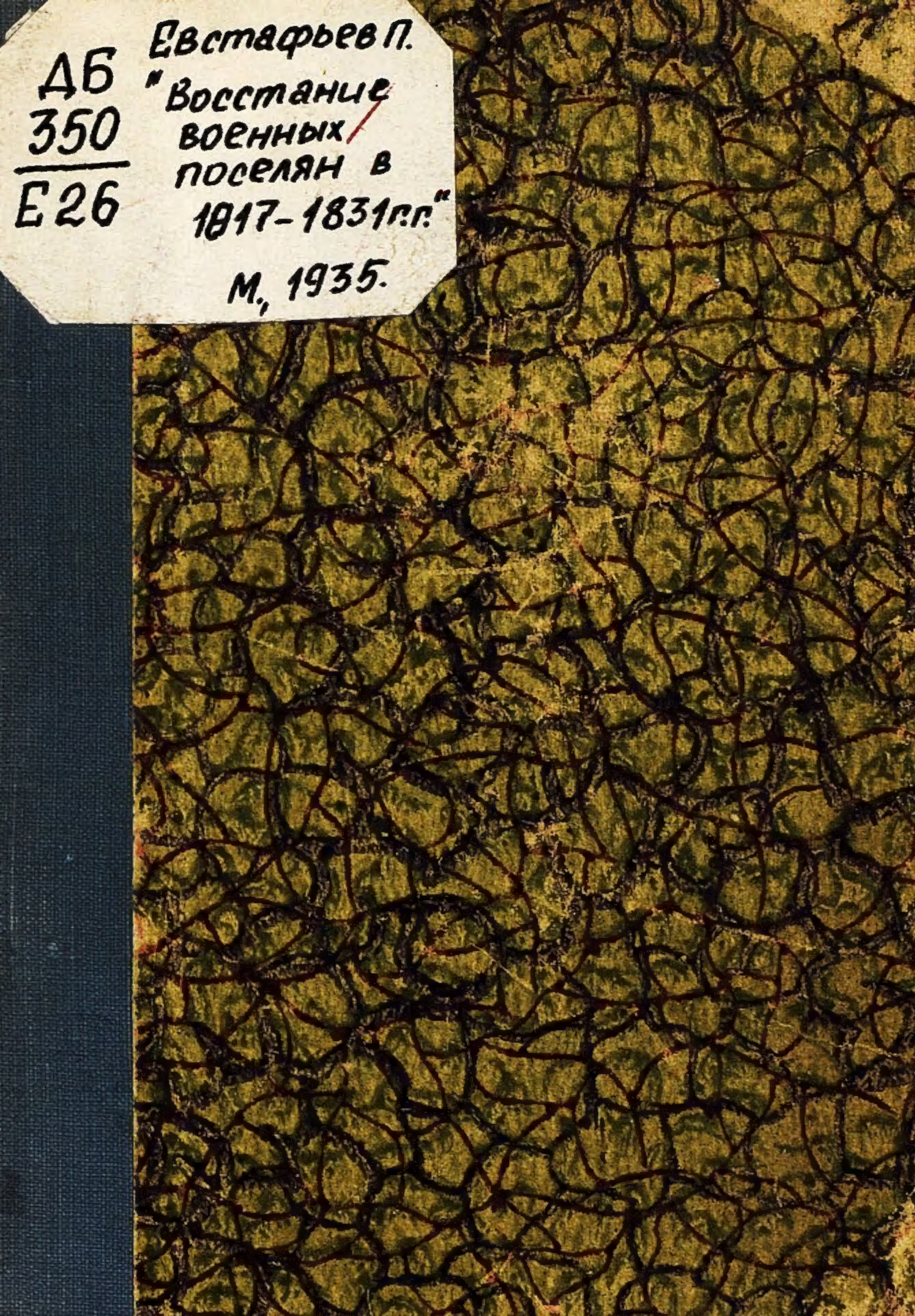
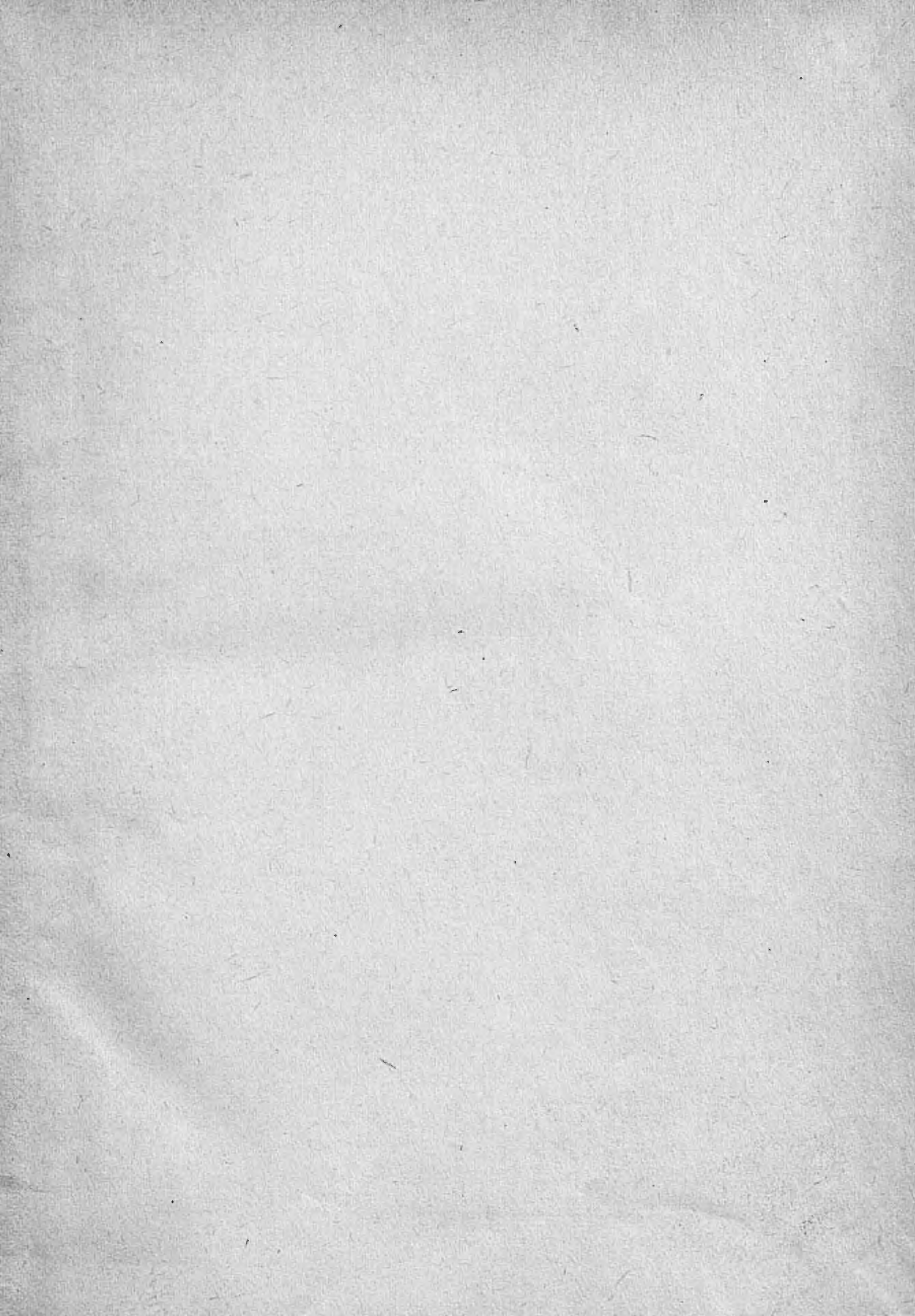
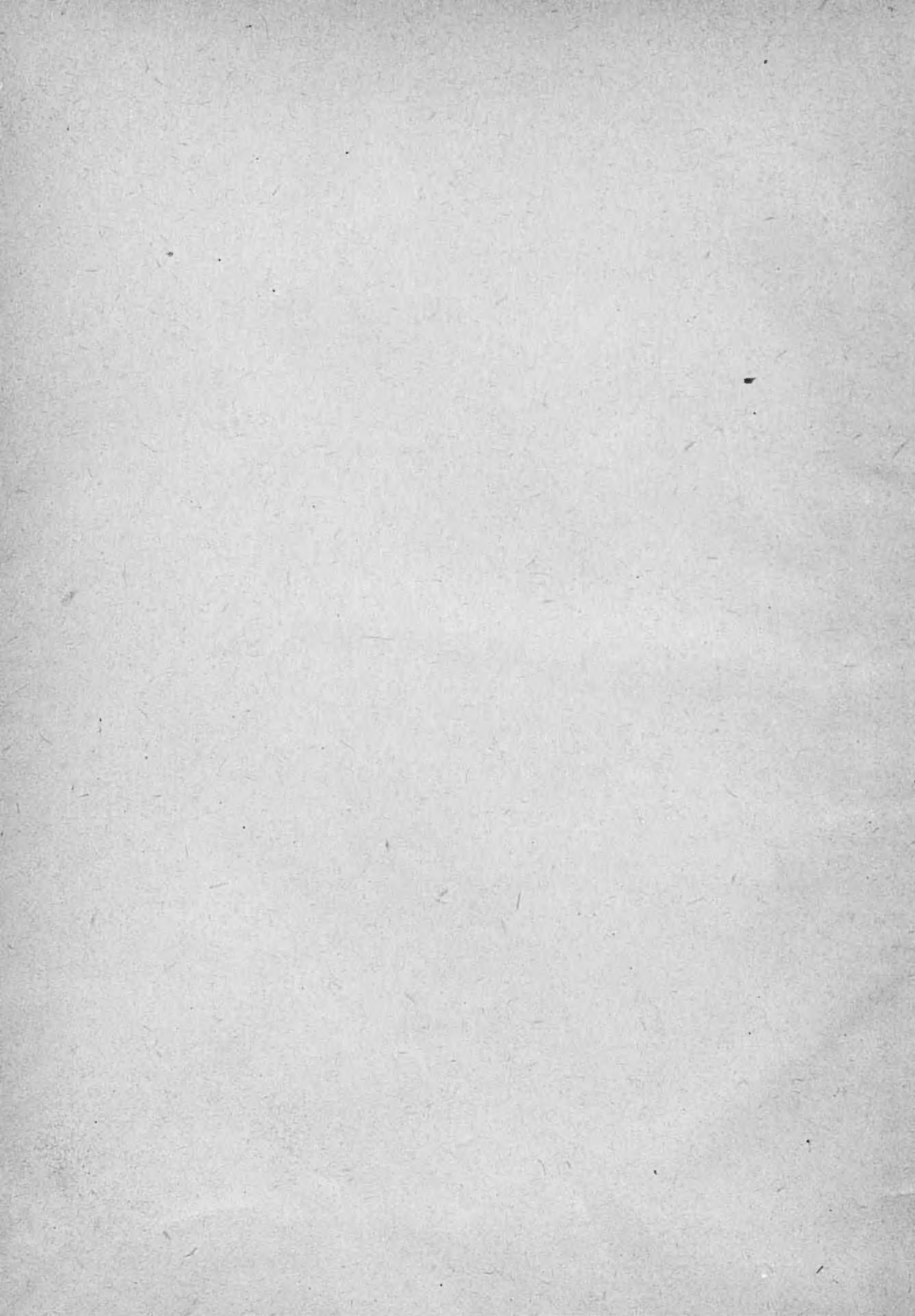

ДБ
350
Е26
Евстафьев П.
"Восстание военных поселян в 1817-1831 г.г."
М., 1935.

ДЕШЕВАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

П. ЕВСТАФЬЕВ

ВОССТАНИЯ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЯН в 1817—1831 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН
1 9 3 5

ДЕШЕВАЯ
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

1934 г. № 11—12

П. ЕВСТАФЬЕВ

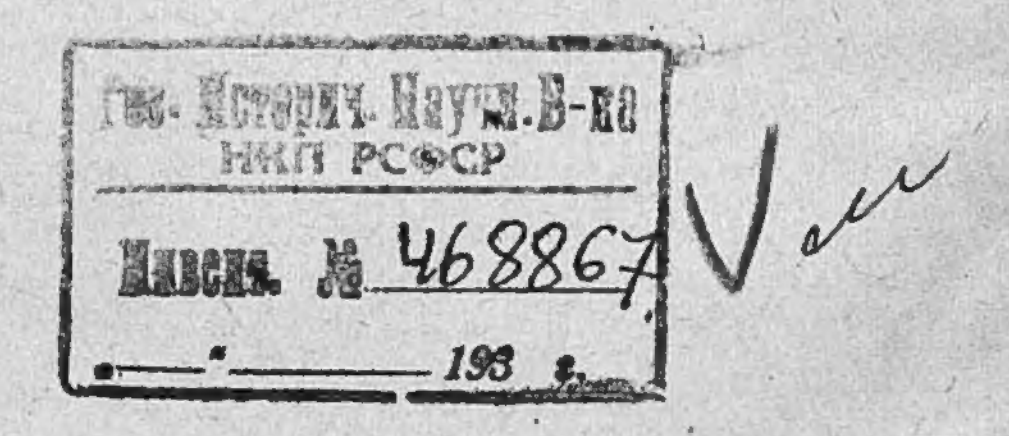
ВОССТАНИЕ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЯН В 1817—1831 ГГ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА — 1935

ДЕШЕВАЯ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

1934 г. № 11—12 (405—406)

Ответственный редактор М. М. Константинов
Технический редактор М. Масляненко
Сдано в набор 19/XI 1934 г.
Подписано к печати 20/I 1935
Формат бумаги 72 х 105 см., 1/32
2 5/8 печ. л.; 57600 зн. в 1 печ. л. Изд. № 783
Наряд типографии № 721
Тираж 10000 экз.
Уполномоченный Главлита Б 2787
Отпечатано в типо-литографии им. Воровского
Москва, ул. Дзержинского, 18

УСТРОЙСТВО ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Военные поселения, в которых происходили описываемые ниже волнения, стали устраиваться в России после войны с Францией, начиная с 1816 г. Что это были за поселения и почему они устраивались царским правительством?

В конце XVIII и в начале XIX вв. Россия имела уже огромную постоянную армию, в которой нуждалось дворянское государство, возглавляемое царем, для борьбы с частыми волнениями крепостных крестьян и рабочих внутри страны и для продолжительных войн, которые тогда вела Россия с другими государствами. Эта армия набиралась принудительным путем из основной массы населения — крепостного крестьянства — и содержалась на средства государства. Содержание, вооружение и обучение огромной постоянной армии обходилось царской казне чрезвычайно дорого. Больше половины всего годового дохода государства уходило на армию, так что другие потребности государства оставались неудовлетворенными. Об этом очень красочно сообщал царю в 1817 г. в своем докладе генерал-интендант Канкрин: «Армия одна истощает почти все доходы, — пишет он, — а для гражданского устройства остается

слишком мало. Сие есть главнейшая причина, что по гражданской бытности ежегодно усиливаются неустройства, беспорядки, недостаток нужнейших заведений, злоупотребления, продажа правосудия и прочее».

Постоянная армия по необходимости возрастала: ни внутренние условия классовой борьбы, ни международное положение царской России того времени не позволяли сокращать ее. Беспрерывные войны и рекрутские наборы истощали страну, и дальнейшее увеличение расходов на постоянную армию становилось невозможным. Создавалось глубокое противоречие между потребностью в дальнейшем увеличении содержания постоянной армии с одной стороны и материальными возможностями для этого — с другой. Положение усугублялось еще тем, что вся тяжесть обеспечения постоянной армии живым составом и материальными сердствами на ее содержание и вооружение целиком ложилась в конечном счете на плечи крепостного крестьянства. Это вызывало в основных массах крестьянства большое недовольство рекрутским набором, постоянной армией и существующим крепостническим порядком.

Крестьянское хозяйство, подвергаясь все усиливавшейся с развитием торгового капитала эксплоатации крепостников-помещиков и под влиянием беспрерывных войн, приходило в основной своей части к полнейшему разорению. Дальше в эксплоатации такого хозяйства итти было некуда.

Но эта двойная эксплоатация крепостного крестьянства в целях содержания постоянной армии производилась через его собственников — крепостническое дворянство. Это ставило царскую власть в зависимость от дворянства, как класса, на который опиралась сама же эта власть.

Огромнейшие затраты на содержание и вооружение армии, на ведение войн, все возрастающая потребность в наборах, т. е. в отвлечении из хозяйства наиболее крепкой трудовой части крестьян, — вызывали недовольство и в дворянском классе. Постоянный отлив рабочих рук из их хозяйства, обнищание основной массы крестьянства, — все это сокращало ресурсы дворян-крепостников. Дальнейшее существование постоянной армии на прежних условиях, несмотря на ее необходимость для дворянского государства, становилось для дворян неприемлемым.

Чтобы обеспечить государству на будущее время постоянную армию в необходимых размерах и чтобы при этом ни система рекрутирования, ни тяжесть содержания и вооружения армии не нарушали интересов дворянства и не ставили власть в зависимость от последнего, — приходилось искать выход в новых формах комплектования и содержания постоянной армии.

Нужно было, не нарушая классовых интересов дворянства, а, наоборот, оберегая их, создать такую постоянную армию и на таких условиях, чтобы она не ограничивала власти дворян над крестьянами и не уменьшала доходов крепостников.

Что нужно было сделать для этого? Нужно было создать особое военное сословие, которое соответствующей организацией хозяйства обеспечивало бы себе все содержание.

Нужно было так организовать хозяйство этого сословия, чтобы:

1) правительство избавилось от зависимости по отношению к дворянству в деле вербовки армии и ее содержания;

2) избавить казну от продовольственного снабжения многочисленной армии в мирное время пу-

тем совмещения обязанностей солдата и земледельца, т. е. свести расходы казны на армию до минимума и тем освободить бюджет государства от чрезвычайно тяжелой нагрузки;

3) изолировать военный элемент от массы населения, сосредоточив его в тесных рамках сословия, находящегося под строгим контролем правительства, и воспитать его в военно-охранительном духе;

4) иметь под руками всегда готовую к действию надежнейшую и мощную вооруженную силу, не связанную с остальным обществом ни социально-экономическими, ни бытовыми, ни политическими условиями, — и потому по первому приказу самодержавной власти готовую сокрушить всякое проявление революционного движения внутри страны.

С августа 1816 года правительство чрезвычайно энергично взялось за проведение этой идеи в жизнь.

Но откуда было взять образцы для такого большого и нового дела, как организация особого военно-земледельческого сословия? Известные в XVIII веке военные поселения на юге и юго-востоке России, имевшие своим назначением охрану границ, утратили свое значение к началу XIX в. и были уже ликвидированы. Теперь задача заключалась, как мы видели, в другом. Старые образцы не годились. Стали изобретать новые. Еще перед войной 1812 г. была сделана попытка устройства военного поселения в Могилевской губернии.

Сущность проекта сводилась к тому, чтобы на казенных землях поселить баталион регулярной армии с тем, чтобы солдаты его, по обзаведении крестьянским хозяйством, взяли на полное свое содержание два других действующих баталиона

полка. Таким образом на поселении должен был быть устроен целый полк. Большая часть земель Могилевской губернии была в помещичьем владении, и лишь в Климовецком повете в старостве Бобылецком найден был участок земли, отданный особым договором в пользование крестьянам на три года. Договор был уничтожен, и население этой волости было назначено к переселению в Новороссийский край, а земля предоставлена к поселению баталиона пехотного Елецкого полка. Свое имущество крестьянам пришлось продать, и последствием этого переселения (выселялось около 4 000 человек) оказалось полное разорение переселяемых, к тому же половина крестьян «пропала, не дойдя до назначения».

Опыт поселения баталиона в Могилевской губернии, однако, не дал никаких видимых результатов, так как уже в июне 1812 года полк должен был присоединиться к действующей армии. Война с Францией на четыре года прекратила всякие попытки поселения войск.

По окончании войны с Францией, когда необходимость всесторонней реорганизации армии сделалась более очевидной и настоятельной, Александр I снова вернулся к мысли о военных поселениях. Он поручил разработку этого вопроса и самое устройство военных поселений графу Аракчееву. В качестве образца были взяты Александром I и предложены Аракчееву австрийские военные поселения на турецкой границе. Дело повелось в большом секрете и некоторое время оно было тайной для всего общества. И когда из Петербурга был переведен баталион Аракчеевского полка в Высоцкую волость Новгородской губернии, это было объяснено официально недостатком в городе казарм. Только 18 апреля 1817 года именным ука-

зом была объяснена цель учреждения военных поселений.

Как же была выражена эта цель в царском указе?

«Дабы отвратить всю тягость, сопряженную с ныне существующей рекрутской повинностью, по коей поступившие на службу должны находиться в отдалении от своей родины, в разлуке с своими семействами... и тоска по родине ослабляет их силы... положили в основание сему то правило, чтобы в мирное время солдат, служа отечеству, не был отдален от своей родины, и по сему мы приняли непременное намерение дать каждому полку свою оседлость в известном округе земли, определить на укомплектование оного единственно самих жителей сего округа».

Оседлость полк получал в казенных имениях и комплектовался казенными экономическими крестьянами. Один баталион (из 3 баталионов полка) обзаводился полным крестьянским хозяйством, наделялся землей, хозяйственным инвентарем и обязан был содержать два других баталиона полка. Солдаты этого баталиона назывались хозяевами-поселянами. Кроме обязанностей по комплектованию своего полка, полному постойному и продовольственному содержанию солдат действующих баталионов, они имели и другие, уже военные обязанности. Они должны были быть не только хорошими земледельцами, но и хорошими воинами, т. е. свободное от хозяйственных занятий время посвящать «военной экзерциции». Дети военных поселян, как хозяев, так и солдат действующих баталионов (солдаты должны были, получив оседлость, жениться на дочерях коренных жителей — поселян-хозяев), считались военными кантонистами и принадлежали полку. Кантонисты мужского

пола — до 12 лет — находились при родителях, помогали им в хозяйстве и в то же время занимались фронтовым строем, затем поступали в резервный баталион своего полка, а с 18 лет — в действующие баталионы. Обязанности солдат действующих баталионов поселенного полка, кроме фронтовой службы, заключались в том, что они должны были в свободное от службы время помогать хозяевам-поселянам в их сельскохозяйственных работах.

На этих общих основаниях военные поселения с каждым годом все более и более увеличивались. Коренные жители разных уездов переходили в сословие военных поселян. Каждому поселяемому полку давалась грамота, которая, как святыня, хранилась в полковом комитете. Содержание грамот было совершенно одинаково и сводилось к отеческим попечениям царя о своих «любезноверных» подданных. Дело велось энергично, и к августу 1818 г. военные поселения охватили уже четыре губернии: Новгородскую, Могилевскую, Херсонскую и Харьковскую. На юге устраивались поселения для кавалерии. В конце 1821 г. под поселение четырех кирасирских полков было отведено 45 казенных селений в Екатеринославской губернии, а позже, в 1824 году, по-соседству с ними были поселены еще четыре полка тяжелой кавалерии. В том же году в Старорусском уезде Новгородской губернии в 10 казенных волостях были поселены еще две пехотных дивизии.

К концу царствования Александра I корпус военных поселений состоял: в новгородском поселении — 90 баталионов, в могилевском — 12, в слободско-украинском — 36 баталионов и 240 эскадронов; фурштадтских рот—32, саперных—2 роты и 3 роты Охтенского порохового завода.

Строительные работы производились в военных

поселениях в огромных размерах. С каждым годом строительство жилых помещений для солдат (дома-связи), разных хозяйственных построек, штабных зданий (каменных) развертывалось стремительными темпами и в северных и в южных поселениях. Начисто сносились целые деревни, и на их местах вырастали выведенные в две линии, выкрашенные в розовую краску однообразные домики-связи. Такой размах строительства потребовал огромных расходов и был бы вообще невозможен для бедной казны государства, но Аракчеев нашел простой и «экономический» способ производства работ. Он применил дешевую солдатскую силу. Десятки тысяч солдат трудились над заготовкой материала, осушкой болот и возведением зданий в военных поселениях.

Мы не имеем возможности здесь сколько-нибудь подробнее коснуться жизни военных поселян за эти годы. Нечего, конечно, и говорить, что заманчивые обещания правительства, что поселяне будут жить в полном довольствии, умножать свою собственность, будут обеспечены в старости и т. п., оказались обманом. На самом деле невероятно жестокая система распорядка жизни военных поселян, получившая незабываемое название «аракчеевщины», даже в то суровое время палочной дисциплины обратила на себя внимание передовой части дворянского общества. Аракчеев был фанатиком внешнего порядка, стремящимся установить однообразное и монотонное единство во всем и всюду, все подстричь под общую гребенку, превратить все окружающее в совокупность автоматических приборов. Чистоту и порядок,—прекрасные регуляторы общежития, — он превратил из средства в самоцель, сделав из них истинный бич для поселян, обрекавший их на совершенно неле-

пые по своей бесцельности неудобства, лишения и тяжелые страдания. Поселянин и члены его семьи не смели переставить раз и навсегда установленные в известном порядке вещи в своей квартире, несли ответственность за каждое пятно на полу и ремешок на упряжи своей лошади, тратили массу драгоценного времени на бессмысленные мелочи в то время, когда необходимая работа была не окончена и не терпела отлагательства. Всякая личная привычка даже при исполнении самых обыденных сельских занятий становилась недозволенным произволом, идущим вразрез с установленными инструкциями, правилами: выправкой, хождением по темпам и т. д. И это в то время, когда поселянин, изнуренный тяжелой работой, больше всего нуждался в отдыхе.

«На ученья выводят по утру в 6 часов и продолжают до 11, а после обеда с 2 до 10; между ученьем же метут тротуары, чистят канавы между строениями» и т. д.

«В болотистых, лесных и каменистых местах копаются канавы, а уроки даются не по силам, т. е. на каждого 15 сажен в длину, по 1 аршину в глубину и ширину, а кто не выработает, должен в праздничные дни докончить; поэтому отдыха нет».

«На работе нужно быть в казенных шинелях, а поддерживать ее в исправности невозможно. Когда приходят с работы, то все вещи оборвавшись, но времени не имеют починиться. Заставляют ночью плести лапти к будущему дню».

Так свидетельствуют сами поселяне о своей жизни. В записках Маевского, офицера военных поселений, встречается выразительное описание «благоустроенной» жизни военных поселян.

«Все, что составляет наружность, — пишет Маевский, — пленяет глаз до восхищения; все, что

составляет внутренность, говорит о беспорядке. Чистота и опрятность есть первая добродетель в этом поселении. Но представьте себе дом, в котором мерзнут люди и пища; представьте сжатое помещение, смешение полов без разделения; представьте, что корова содержится, как ружье, а корм в поле получается за 12 верст; что капитальные леса сожжены, а на строение покупаются новые из Порхова, с тягостнейшею доставкою; что для сохранения одного деревца употреблена сажень дров, для обстановки его клеткою, — и тогда получите вы понятие о государственной экономии. Но при этом не забудьте, что поселянин имеет землю по названию, а общий его образ жизни — ученье и ружье. Притом от худого расчета или оттого, что корова в два оборота делает в день по 48 верст для пастбища, всякий год падало от 1 000 до 2 000 коров в полку, чем лишали себя назема и хлебородия, и казна всякий год покупала новых коров... В больницах полы доведены до паркетов, и больные не смели прикоснуться к ним, чтобы не замарать; у каждого поселенного полка была мебель, но она хранилась как драгоценность: на ней никто не смел сидеть».

Начальствующий состав поселенных войск состоял из отбросов армии. Честные и порядочные офицеры всячески уклонялись от службы в военных поселениях. Царь, впрочем, старался сам подбирать кадры офицеров, знающих только фронт и мордобой и ни в какой степени не зараженных «умствованием». Подобные начальники, которым дана была неограниченная власть над жизнью поселенцев, разумеется, видели в них только средство для собственного обогащения. В поселениях процветало воровство. Адъютант начальника юж-

ных поселян графа Витта майор Гончаров в 1823 г. был предан суду за то, что присвоил 229.695 руб. поселенских денег. В сохранившейся по этому делу переписке (между Гончаровым и гр. Виттом) оба они взаимно уличают друг друга в злоупотреблениях. В одном из писем Гончаров утверждает, что отчет о сумме на один миллион пятьсот семьдесят три тысячи рублей, находившихся в распоряжении гр. Витта, сделан неправильно, без доказательств: «нет полных на расход сей документов».

В южных поселениях командир 2-й уланской дивизии генерал-майор Юзефович растратил из общественных сумм 144 418 р. За систематическое хищение общественных сумм в могилевском поселении были преданы суду все офицеры. А сколько злоупотреблений осталось неизвестным никому, кроме пострадавших?

Обещанного царскими указами благополучия не было: поселяне постепенно нищали. О том, что представляли собой военные поселения к началу нового царствования, с исключительной откровенностью сказал Николаю сопровождавший его в поездке по новгородским поселениям в 1826 году офицер его свиты.

Автор представленной царю записки находит, что «после восьмилетних усилий и несметных расходов военные поселяне представляют самое несчастливейшее зрелище».

Результаты ведения дела, несмотря на изнурительный труд поселян, самые плачевные: «коренные жители из зажиточных крестьян сделались убогими; действующие солдаты, из которых многие проливали кровь свою за отечество, суть работники (батраки) хозяев, без жен, без собственности. Они несут все бремя строевой службы и

сверх того изнуряются без всякой платы различными работами: роют канавы, возят камни, расчищают поля, делают дороги, помогают хозяину в полевых работах. Рабочие баталионы замучены, и начальники их не стыдятся удерживать у них заработанные кровавым потом деньги для приращения поселенных капиталов».

Дома, в которых живут поселенцы, построены худо; в них холодно и тесно. Для женатых постояльцев вовсе нет помещения; дворы тесны, и помещений для скота недостаточно, а требуемая чистота «столько для солдата обременительна, что одна непомерная строгость в силах оную удержать». Автор приходит к выводу, что введением военных поселений не достигнуто «ни единой черты» из намерений правительства. «Коренные жители если не могли быть довольными переменою своего состояния, то могли сохранить свое имущество. Они разорены. Действующих баталионов солдаты несчастнее прежнего. Рабочие баталионы измучены, строение солдатское худо построено и не соответствует цели своего назначения; расходы на содержание полков значительно увеличены. Надежда на избавление губернии от рекрутской повинности сделалась пустою мечтою. Осталось одно неоспоримое — предстоящая опасность, ибо если необыкновенная строгость и даже жестокость удерживали по сие время порывы негодования, то можно ли надеяться сим единым средством удержать оную навсегда?»

Упомянутая выше записка была доложена Николаю, но в результате ознакомления с нею не только не произошло уничтожения военных поселений или радикального изменения существующего в них режима, но новый император упорно, в течение нескольких лет, расширял старые воен-

ные поселения и носился с мыслью об устройстве новых. Так, например, деревни Новгородского уезда Поозерской волости Рублево и Базлово со всеми жителями в феврале 1827 года были назначены в округ поселения Павла Мекленбургского полка, а деревни Вигодоща и Иваново — в округ 1-го карабинерного полка. В том же году Николай утвердил проект образования нового округа военного поселения в Херсонской губернии. Свыше 20 больших селений были зачислены в состав военного поселения. В марте 1829 года были назначены в состав округа Прусского полка село Рышево и деревня Сопки Крестецкого уезда.

Так, в течение ряда лет Николай I проявлял неослабный интерес к военным поселениям, расширял их на тех же принципах, что и в прошлое царствование, несмотря на дружные представления многих лиц из придворных кругов и высших военных чинов об опасности, грозящей самодержавию со стороны доведенных до отчаяния каторжной жизнью поселян.

БОРЬБА КРЕСТЬЯН С ВВЕДЕНИЕМ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

С самого начала введения военных поселений и на севере и на юге обнаружилось противодействие крестьян их «облагодетельствованию». В новгородских военных поселениях, в Высоцкой волости, крестьяне начали с того, что сожгли свою деревню. Таким путем они хотели избавиться от постоя баталиона Аракчеевского полка, назначенного на постоянное расквартирование в их домах. Но скоро они убедились, что жертва их была напрасной: военные власти мобилизовали поселян для постройки на месте пожарища новых поселенных

домов-связей. Насильственный отрыв крестьян от собственного хозяйства в горячее время полевых работ, смутные слухи о том, что они сами себе строят «кабалу», выдвинули из их рядов наиболее активных «говорунов», как называл их производитель работ Бухмейер. «Говоруны» не только сами старались уклониться от строительных работ, но всячески подбивали крестьян не представлять подводы для возки леса под связи. Дело дошло до того, что ротный командир поручик Назаров, принуждавший крестьян вывозить из леса бревна, был ими избит палками. Крестьяне были арестованы и преданы суду. Суд состоялся тут же под председательством назначенного Аракчеевым Бухмейера, и несколько человек, после наказания кнутом, были отправлены в Оренбургские линейные баталионы.

Еще более серьезные волнения возникли в начале следующего года в другой волости — Холынской, при переводе крестьян в военные поселяне. Но еще до этого открытого сопротивления вводимой мере крестьяне этой волости сделали несколько попыток мирным, но неверным путем «найти правду». Они снарядили четырех депутатов в Петербург жаловаться императрице на графа Аракчеева. Но Аракчеев приказал арестовать этих депутатов на Сенной площади, велел привести к себе, раздел донага в своем кабинете, обыскал, отобрал просьбу, писанную на него «в сильных выражениях». Ходоки были посажены в погреб при арсенале. Затем Аракчеев приказал отыскать зачинщиков; они были найдены, отправлены в Петербург и посажены в одну яму с товарищами.

Попытки крестьян избавиться от навязанного «благополучия» повторились осенью того же года. Крестьяне остановили вдовствующую импера-

трицу при проезде ее в Москву, прося защиты и милости. Кроме того несколько сот крестьян, вышедши из леса, остановили великого князя Николая Павловича, ехавшего вместе с прусским принцем Вильгельмом. Крестьяне говорили, что все у них отобрано, что сами они выброшены из своих домов и уже несколько недель как не виделали их. Императрица проехала не останавливаясь, сопровождаемая плачем и жалобами крестьян, а Николай Павлович, остановившись на несколько минут, разругал крестьян, и просьбы их не принял. Тогда крестьяне вновь снарядили депутацию уже к наследнику в Варшаву, но Константин Павлович также не принял их просьбы и «заставил их тотчас молчать, сказав, что им должно свято и безмолвно исполнять что приказывают», и в заключение препроводил их с нарочным курьером и казаками к Аракчееву.

Поняв, наконец, что никакие просьбы о заступничестве не помогут и что Аракчеев действует по желанию и по велению царя, крестьяне Холынской волости перешли к открытому противодействию. Это произошло при чтении новгородским губернатором официального указа о переводе их в военные поселяне. Губернатору не дали окончить чтение указа: все заволновались, стали шуметь и грозить; губернатор успел скрыться, а поселян окружили вызванные на всякий случай войска. Многих крестьян загнали во двор, заперли их там и без пищи и без питья держали двенадцать суток. Но крестьяне не сдавались. По рассказу очевидца, осажденным удалось подкопаться под избу и найти там кадку с квасом. «И выпит был не только квас, но съедена и гуща. Даже солому с квасникового гнезда и ту съели. Многие от истомления совсем не могли двигаться, а все не сдавались,

все еще не соглашались итти под бритье». Такое упорство и стойкость проявили крестьяне уже с самого начала борьбы с военными поселениями, в которых они по справедливости видели высшую ступень крепостнического порядка, в котором они находились.

По делу было замешано 39 чел. Судил их особый комитет под личным председательством самого графа Аракчеева. Пять человек было сослано на службу в Сибирский отдельный корпус, 6 чел. — в могилевские поселения, а остальные, без различия лет, взяты на службу в свой округ. Писарь Филипп Михайлов за распространение слухов, бывших причиной беспорядков, и составление разных просьб по разжаловании в солдаты при собрании жителей волости был «прогнан сквозь комплектный баталион три раза», т. е. наказан тремя тысячами палочных ударов.

Получив доклад Аракчеева о разборе дела, Александр Павлович собственноручно написал на нем свое обычное: «Быть по сему»; он не постеснялся в тот же день письмом известить Аракчеева о своем удовольствии. «Я нахожу решение весьма основательным и в то же время в духе того милосердия, с коим мы поступали с самого начала сего дела».

С начала устройства южных поселений в Слободской Украине волнения начались в Бугской уланской дивизии.

Зажиточным казакам, издавна пользовавшимся известными правами, переход в военные поселяне казался крайне несправедливым и тягостным. Особенно трудно было примириться с ним населению тех местностей, отходивших к военным поселениям, где существовали свои старинные предания и особые права. Поэтому в 1817 г., когда земли

бывшего Бугского войска были обращены в военные поселения, там возникло волнение, сразу же принявшее бурный характер.

В Бугском войске существовало предание, что на основании дарованной ему в свое время грамоты Екатерины II войско не может быть преобразовано. К движению примкнул капитан Барвинский. Он уверял, что отыщет «пропавшую грамоту».

Волнение сразу же приняло острые формы. Войско отказалось подчиниться новому порядку. Чтение царских указов и повелений вызвало бурные протесты и заявления, что исполнять государеву волю казаки не желают. Когда же началась перепись имущества и семейств казаков, во многих местах последовало сопротивление новым властям. Несмотря на угрозы Аракчеева подвергнуть жестоким наказаниям и переселениям в Сибирь неподчиняющихся новому порядку, бугцы продолжали упорствовать. В Вознесенске, штаб-квартире дивизии, казаки отказались присягать. Тогда была применена военная сила. Три полка с четырьмя конными орудиями принимали участие в подавлении возмущения. Произошло несколько открытых столкновений между казаками и правительственными войсками. В них принимали участие старики-отцы и жены казаков. Сопротивление бугцев было сломлено.

По этому делу 64 человека были приговорены к смертной казни, в числе их капитан Барвинский и два его ближайших сподвижника — казаки Бабиченко и Гетмаченко. Но приговор суда не был приведен в исполнение, и дело кончилось ссылкой в Сибирский корпус Бабиченко и Гетмаченко на пожизненную службу без права отставки и домового отпуска; все прочие были освобождены из-под стражи, исключая капитана Барвинского, ко-

торый был лишен чинов, знаков отличия и дворянства и сослан впоследствии в Сибирский отдельный корпус рядовым.

Эти сопротивления крестьян мерам, которыми их хотело «облагодетельствовать» правительство», встревожили Александра I. Была назначена комиссия для расследования причин неудовольствия поселян в Слободско-Украинской губернии. Но причины «неудовольствия», вскрытые комиссией, так красноречиво свидетельствовали против всей новой системы угнетения, что оставалось одно из двух: или отказаться от перевода крестьян в военные поселяне, или продолжать начатое дело. Восторжествовало последнее, — и комиссия, не закончив дела, была распущена. Волнения поселян Бугской уланской дивизии повторились весной 1818 года.

Ожидался проезд императора Александра I по округам военного поселения Бугской дивизии. Начальство желало выставить напоказ внешнюю, лучшую сторону поселений: правильность и чистоту новых построек, прямизну улиц, хорошие дороги и прочее. Зная недовольство поселян, начальство запретило им подавать какие-либо просьбы государю помимо команды. Это распоряжение окончательно возмутило поселян. Военный поселянин Василий Чеботарев при чтении этого распоряжения подполковником Терпелевским сказал, что он уже подавал в полковой комитет просьбу, по которой, однако, удовлетворен не был. Терпелевский нашел слова Чеботарева дерзкими, указывающими на недоверие к властям, дал ему в назидание оплеуху и приказал арестовать.

— Если бьете одного, то бейте всех и берите всех под караул! — закричали в толпе.

На другой день, 6 мая, поселяне селения Себина, в том же округе, собрались самовольно на сходку. Бывший там майор Романовский объявил им то же распоряжение не выходить на встречу к царю; вместе с тем он учил их, как отвечать царю, если он задаст им вопросы относительно их быта как военных поселян.

Поселянин Петр Ангелов сказал на это: «Я казак, а не другого звания». Романовский приказал арестовать Ангелова, но поселяне силой защищали его, вырвали из рук Романовского и оборвали майору эполет.

По суду 6 человек были приговорены к прогнанию сквозь строй через 1 000 человек по три раза; двое через 500 чел. по одному разу; трое к ссылке в Сибирский корпус. Аракчеев смягчил приговор, отменив шпицрутены.

Хотя гр. Аракчеев неизменно заверял Александра I в том, что во вверенных ему поселениях все благополучно, что хозяйство поселян устраивается и богатеет, а поселяне свыклись с своим положением и довольны им, — не так чувствовали и думали сами поселяне. До перевода их в военные поселяне-крестьяне южных поселений имели большое количество первосортных земель. С зачислением крестьян в военные поселяне правительство перераспределило земли, отняв часть их от прежних владельцев, что прежде всего отразилось на сельскохозяйственных доходах крестьян. Промысла и торговля благодаря новым порядкам, заведенным в поселениях, стали для них невозможны. Эти причины недовольства своим положением усугублялись еще тем, что новые порядки каждодневно крайне невыгодно отражались на их собственных крестьянских работах. Обязанные 3 дня в неделю посвящать фронтовой службе, — а за-

тем, зачастую, преимущественно перед работами в собственном хозяйстве, нести казенные наряды по строительству полковых зданий, дорог, по заготовке сена для полковых лошадей и т. д.,—поселяне не могли, особенно в горячее время полевых работ, без ущерба для своего хозяйства подчиняться правилам поселенной службы. Это обстоятельство и явилось толчком к новому мятежу — в Чугуевском уланском полку — в июле 1819 г.

Чугуевские поселяне отказались косить казенное сено для полковых лошадей, которого нужно было собрать огромное количество — 103 000 пудов. Волнение, начавшись в Чугуевском полку, перешло оттуда в округ поселенного Таганрогского уланского полка. Получив известие о волнениях, Аракчеев выехал из Петербурга в Чугуев. По дороге ему был доставлен от генерал-лейтенанта Лисаневича рапорт о том, что волнения все более и более усиливаются. Генерал Лисаневич пытался подействовать на поселян увещаниями, но успеха не имел.

«Не хотим военного поселения! — кричали бунтующие поселяне. — Оно не что иное, как служба графу Аракчееву. Мы приняли решительные меры истребить его, и знаем наверно, что с концом его разрушатся и военные поселения».

Волнение, возникшее в Чугуеве, докатилось до Харькова, где по случаю ярмарки собралось много народа. Это грозило еще большим распространением мятежа, но генералу Лисаневичу удалось стянуть войска, окружить мятежников и подавить мятеж. 1 104 человека из Чугуевского и 899 из Таганрогского полков были арестованы. Из них 313 чел. были преданы военному суду, который приговорил 275 чел. «к лишению живота», т. е. жизни. Граф Аракчеев отменил смертную

казнь, но придумал наказание более жестокое: пропустить каждого через тысячу человек по двенадцать раз. Он велел начать экзекуцию с сорока человек, считавшихся наиболее виновными.

Мятежникам было объявлено, что они будут освобождены от наказания, если раскаются. Но они отвергли это предложение. Родители осужденных заклинали своих сыновей не просить помилования.

Страшная бойня была произведена 18 августа в городе Чугуеве, куда по приказанию Аракчеева были собраны все арестованные любоваться предстоящим зрелищем.

Бунтовщики вели себя героями. Сломить их упорство не удалось: они умирали на глазах отцов и матерей, но не просили помилования. Аракчеев писал императору Александру: «Ожесточение преступников было до такой степени, что из 40 человек только трое, раскаявшись в своем преступлении, просили помилования — они на месте же прощены, а прочие 37 человек наказаны. Но сие наказание не подействовало на остальных арестантов, при оном бывших, хотя оно было строго и примерно. По окончании сего наказания спрошены были все наказанные арестанты, каются ли они в своем преступлении и прекратят ли свое буйство. Но как они единогласно сие отвергли, то...» — и начались новые истязания. 20 человек были забиты палками на месте, прочие 17 остались калеками на всю жизнь.

Кроме наказанных шпицрутенами, 400 чел. были отправлены на службу в Оренбург и в 3-ю Уланскую дивизию. 29 женщин, участвовавших в восстании, после наказания розгами были также отправлены в Оренбург.

Адъютант генерала Лисаневича штаб-ротмистр

Тареев, причастный к восстанию, был лишен чинов и знаков отличия, разжалован в солдаты без выслуги и отправлен в одну из крепостей Оренбургской губернии.

По поводу зверской чугуевской бойни Александр I писал Аракчееву: «С одной стороны, мог я в надлежащей силе ценить все, что твоя чувствительная душа должна была терпеть в тех обстоятельствах, в которых ты находишься. С другой стороны, я умею также и ценить благоразумие, с коим ты действовал в сих важных происшествиях. Благадарю тебя искренне от чистого сердца за все твои труды». Письмо звучит издевательством: писать о чувствительной душе Аркачеева мог только Александр I.

Волнения в военных поселениях происходили в последующие годы. Так, в 1824 г. снова на юге, в селении Зыбкове, взбунтовались старообрядцы, не желавшие «итти под бритье». Свыше ста человек были наказаны розгами.

В 1826 году взбунтовалась гренадерская рота поселенного баталиона Аракчеевского полка. На инспекторском смотру поселяне заявили генералу Петрову 1-му, что служить у них нет больше сил, и просили передать об этом графу Аракчееву Приехавший в округ Аракчеев велел собрать баталион в манеже и приказал выйти вперед тем, кто жалуется на тяжесть службы и отказывается «у него служить», обещав при этом не наказывать недовольных.

Из рядов вышло несколько человек, и с каждым у графа произошел следующий разговор:

— Так ты не желаешь у меня служить?

— Не желаю, ваше сиятельство.

— Будешь государя просить?

— Буду, ваше сиятельство.

Отобрав таким образом 30 человек, он приказал баталионному командиру майору Енгалычеву проводить эту партию в Новгород, чтобы оттуда отправить на службу в дальние гарнизоны. Над четырьмя же зачинщиками состоялся суд. Судная комиссия состояла из двух лиц: самого Аракчеева и командира полка полковника Фрикена — Федора Кулакова, как звали полковника солдаты, не имевшего себе соперников на палочном фронте. Зачинщики были приговорены к наказанию шпицрутенами от 6 до 10 тысяч ударов.

Видевший их в госпитале после наказания поселянин Александр Максимов вспоминает: «Они, что мясо изрубленное, лежали избитые, — по одной голове только и узнать было можно, что люди, а не убоина».

Это было последнее деяние Аракчеева в военных поселениях, — в апреле того же года он оставил командование поселенным корпусом.

Наконец, в историю волнений в военных поселениях, до грандиозного восстания поселян в 1831 году, должно быть включено вооруженное восстание 1829 г. в округе поселенного Серпуховского уланского полка.

Это восстание было одним из наиболее организованных и упорных, а по решительности действий мятежников против правительственных войск и по своей кровавой развязке не имеющее себе равного.

Остановимся подробнее на этом происшествии.

10 ноября 1828 г. состоялось распоряжение об образовании нового округа Серпуховского уланского полка. Полк был выделен из округа 2-й уланской дивизии, поселенной в прежнее царствование. Новый округ должен был быть образован из 15 казенных селений и двух хуторов в Змиев-

ском и Изюмском уездах с 8 354 ревизскими душами.

Крестьянам селений нового округа был тогда же прочитан широковещательный указ о всех выгодах, связанных с переходом их на новое положение. Каковы были эти «выгоды», крестьяне уже хорошо знали: рядом с их деревнями находились военные поселения, и за десятилетнее их существование крестьяне насмотрелись на «райскую» жизнь несчастных поселенцев.

Весьма возможно, что противодействие переходу в «уланы» было бы оказано крестьянами вскоре же после объявления указа, но вследствие того, что приемка нового округа из гражданского ведомства в военное затянулась на несколько месяцев и уланы Серпуховского полка попрежнему жили на старых квартирах в своем округе, — среди крестьян возник и упорно держался слух, что нового поселения не будет. Это убеждение крепло с каждым днем, так как жизнь крестьян не изменялась. Штаб полка нового округа, назначенный к квартированию в селении Шебелинке, все еще находился на старом месте в селе Балаклее. Начальству, изредка наезжавшему в селения, пока ни во что не вмешивавшемуся, казалось, что «крестьяне были тихи, смирны и не оказывали открытого непослушания новому управлению». Новость же в управлении заключалась лишь в том, что прежние волостные и сельские правления были переименованы в сельские комитеты. В состав их, кроме нескольких членов из коренных жителей, было введено по одному вахмистру с двумя ефрейторами. Кроме того, командиром резервных эскадронов, ротмистром Молчановым, была составлена опись имущества жителей, семейные списки и сделаны все нужные назначения в хозяева и помощ-

ники, в действующие и резервные эскадроны, в служащие и неслужащие инвалиды.

«Переписывай, переписывай, все равно ничего не будет», — говорили между собой крестьяне. Но к 10 мая ротмистр представил списки командиру Серпуховского полка полковнику Синадино, который переслал их начальнику дивизии генерал-майору Розену, а тот, в свою очередь, отрядному начальнику военного поселения на Украине, генерал-майору Коровкину. Здесь вышло недоразумение: генерал Коровкин, не зная, что действующие и резервные эскадроны еще окончательно не поселены, приказал приготовить их на смотр. 23 мая через вахмистров, ефрейторов и членов сельских комитетов жителям всех селений был объявлен приказ, чтобы назначенные в действующие и резервные эскадроны, а также служащие инвалиды и кантонисты к 29 мая явились в слободу Меловую на инспекторский смотр.

Этот приказ вызвал повсюду большое волнение и ропот. Долго поддерживаемая иллюзия рассеялась, как дым. Население заволновалось. Распространился слух, что начальство, добившись своего, мало того, что берет всех в уланы, но, собрав крестьян в Меловой, забреет им лбы и отошлет в дальние полки на поселение. Матери и жены, провожая несчастных избранников в слободу Меловую, оглашали воздух рыданиями и причитаниями.

Но в слободу Меловую пошли не все. Жители селения Шебелинки решили не итти на смотр. К ним примкнули крестьяне соседней слободы Михайловки.

Сразу же мятежники организованно повели дело. Прежде всего они арестовали членов комитетов в этих двух селениях. Шебелинского крестьянина Петра Демина восставшие избрали атаманом

и учредили временное управление под главным начальством атамана в составе крестьян Петра Квантунина от Михайловки, Кузьмы Ведерникова от Лозовенки и других. 26 мая на общем совете было решено разослать по всем дорогам людей, чтобы склонить всех идущих в Меловую на смотр присоединиться к восставшим. Одновременно были разосланы гонцы во все селения округа приглашать в Шебелинку всех поселян и не требуемых на смотр: хозяев, помощников и неслужащих инвалидов. Восставшими были разосланы в селения округа письменные приглашения. Вот одно из таких характерных приглашений к крестьянам слобод Веревкиной и Покровской:

«Почтеннейшие старики
слобод Веревкиной и Петровской.

Мы ныне находимся в слободе Шебелинке и учинили всеми селениями бунт, которые отошли к округу военного поселения, чтобы не даться в уланы, а потому всепокорнейше просим вас, почтеннейшие старики, иделайте меж себе твердую согласия и сколько можно поспешить более прибыть в означенную слободу Шебелинку для общей нашей согласии и не далее завтрашнего дня, да особо, чтобы был член Егор Мотинов, да и как можно успешить»[1].

Это обращение указывает на то, что крестьяне, переведенные в военные поселения, смотрели на свою судьбу как на общее крестьянское дело и старались развернуть борьбу, втянув в нее и невоенизированное крестьянство. Коротко говоря,

---

[1] Приглашение приводится без исправления текста, точно по оригиналу.

в уничтожении военных поселений крестьяне правильно видели свою общую классовую задачу.

Гонцы, разосланные мятежниками по дорогам и в селения округа, имели полный успех. Не только шедшие на смотр поселяне сворачивали в Шебелинку, но и те, которые уже прибыли на сборный пункт в Меловую, возвращались оттуда, чтобы присоединиться к мятежникам, так что к 27 мая почти все жители округа собрались в Шебелинку. На сборном пункте внутри селения стало тесно, и толпа перешла за село на выгон около кладбища,— на место, носящее название «городка». В городке собралось более трех тысяч человек, вооруженных охотничьими ружьями, косами, кольями, а самый городок был забаррикадирован бревнами и арбами.

В то время, когда главные силы мятежников находились в Шебелинке, в других селениях нового округа происходили незначительные стычки. Так, 26 мая в 15 верстах от Шебелинки «послы» — братья Аксеновы, направленные временным управлением по деревням для агитации, набрав толпу женщин и стариков, разбили эскадронный комитет и уничтожили все хранившиеся там документы. Во время разгрома комитета на месте происшествия появилось верхами несколько офицеров. Ротмистр Богомолов несколько раз ударил обнаженной шашкой по голове не успевшего скрыться 70-летнего старика Кузьму Ефремова. Тяжело раненый старик пытался укрыться на чердаке, но оттуда его стащили вахмистр и ефрейторы из комитета и избили так, что он через три дня скончался в Балаклеевском госпитале. Известие о расправе было передано мятежникам прибежавшими в Шебелинку свидетелями происшествия, вызвало общее негодование и увеличило число восставших.

Между тем извещенный о мятеже полковник Синадино поехал было с офицерами в Шебелинку, чтобы уговорить мятежников, но по дороге, узнав о размерах восстания и возбуждения мятежников, не решился въехать в селение и, возвратившись в Балаклею, донес рапортом генералу Розену о беспорядках. Розен прибыл в Балаклею в 7 часов вечера 26 мая, но отложил принятие решительных мер до прибытия отрядного командира. Генерал Коровкин приехал ночью и решил на утро атаковать мятежников с помощью действующих эскадронов Серпуховского полка, не подкрепляя их другими войсками отряда. Этот расчет генерала оказался ошибочным, так как численность действующих эскадронов «была по числу имеющихся в полку седел» только в 336 человек и генерал не предполагал встретить такое упорство и решительность в мятежниках. Несмотря на то, что уланы, по приказу генерала, пустили в ход пики, атака была неудачной: уланы принуждены были отступить с уроном: 20 рядовым и троим офицерам были нанесены ушибы. Мятежники преследовали эскадроны, а, возвратясь в селение и увидев убитых товарищей, пришли в ярость. Толкуя о жестокости военного начальства, они решили, что «будут стоять до последнего, но уланами и в военных поселениях не будут».

Ненависть к военным поселениям у восставших была настолько велика, настолько горячо было желание остаться попрежнему «однодворцами», что наиболее сознательная часть мятежников идет даже на обман для того, чтобы поддержать стойкость сопротивления в своих товарищах. Они объясняют своим товарищам, что военное начальство из-за личных выгод и притом незаконно переводит крестьян в военные поселяне, но что граждан-

ское начальство — губернатор — не даст их в обиду и что необходимо жаловаться ему. Снаряжается депутация к гражданскому губернатору Муратову — ставленнику и клеврету Аракчеева. Депутатами назначены 65-летний Семен Шеловцев и молодой поселянин Иван Дорозев. Последний не вернулся в Шебелинку, а Шеловцев возвратился в ночь на 30 мая и уверял всех, что был в Харькове у гражданского губернатора, который будто бы одобрил поступок мятежников, «приказал стоять крепко на своем и не сдаваться в уланы», и притом сказал, «что сам будет скоро в Шебелинке и будет нарочно только уговаривать повиноваться, но чтобы этого не слушали, и если будут твердо стоять на своем, то избавятся от поселения и уланства». Когда же нашлись скептики и усомнились в рассказе, — старик поклялся, что говорит правду, и выразил готовность итти в церковь под присягу. Это убедило сомневавшихся и внушило им уверенность, что они отстоят свое дело до конца. Это говорило о том, что в массе крестьянства не было достаточного политического сознания, и оно готово было еще верить в сочувственное отношение к их классовым нуждам начальства. Этим же объяснялись и депутации к царю, которые посылались во многих случаях или перед восстанием поселян или во время восстания.

Повидимому, генерал Коровкин и весь его штаб, обескураженные отражением мятежниками кавалерийского натиска улан 27 мая, совершенно растерялись. По крайней мере в течение трех дней после этого они не предпринимали никаких мер противодействия восстанию, которое все более и более расширялось, подкрепляя в восставших крестьянах уверенность в их силах и правоте. Адъютант генерала Коровкина штаб-ротмистр Рубец

был послан им в Харьков с словесным донесением к генерал-лейтенанту и сенатору Горголи, ревизовавшему в это время Харьковскую губернию, причем возникшие беспорядки были объяснены простым недоразумением и желанием крестьян услышать от самого сенатора и гражданского губернатора Муратова подтверждение того, что они действительно по высочайшей воле обращаются в военные поселяне.

Получив такое донесение, Горголи вместе с Муратовым тотчас же выехали в Шебелинку, перед которой расположился на бивуаке весь штаб Серпуховского полка с генералом Коровкиным во главе. Но вследствие распутицы и разлива Донца Горголи с Муратовым прибыли к Шебелинке только 30 мая утром. В это время к Шебелинке подошли вызванные накануне генералом Коровкиным войска: 2-я уланская дивизия в полном составе и батарея конной артиллерии.

Слобода Шебелинка занимает котловину за рекою Донцом. Со всех сторон окруженная горами, она соединяется с другими селениями нешироким ущельем; в конце деревни около кладбища на окопанной площадке — «городке» — находился лагерь мятежников. Правительственные войска расположились на горах вокруг деревни, сжав ее кольцом. Орудия конной батареи были наведены на лагерь мятежников. Но и это не устрашило восставших, и когда, выяснив обстановку, сенатор Горголи в парадном мундире, с указом царя, сопровождаемый губернатором Муратовым, отправился для переговоров в лагерь мятежников, он встретил здесь не смятение и раскаяние, а упорную решимость стоять за свое дело до конца.

Горголи снова прочел им указ царя, удостоверил его подлинность — показывал царские печати и

подпись, убеждал покориться, но... дело было вовсе не в указе. Крестьяне решительно заявили сенатору, что все равно «не дадутся в уланы», что обещанных милостей, перечисленных в указе, им не надо, так как они знают им цену. Видя, что ни парадный его мундир, ни ордена, ни красноречие не производят впечатления на мятежников, Горголи указал на орудия батареи и выстроенных в боевом порядке улан, пригрозив, что к покорности вынудят их силою. Тогда в крайнем возбуждении мятежники привели сенатора к трупам своих товарищей, убитых уланами. Трупы не были преданы земле и лежали в ряд на помосте перед баррикадами. «Все ляжем рядом с ними, ежели не оставят нас жить попрежнему, — не покоримся», — заявили они сенатору.

Интересно отметить, что в своем рапорте царю о происшествии в Шебелинке Горголи пишет о том, как он был поражен дисциплинированностью мятежников, которые, несмотря на свое возбуждение и угрозы им с его стороны, «никакой невежливости ему не чинили». Но особенно удивило сенатора то обстоятельство, что никто из мятежников не был пьян, и к двум винным лавкам в деревне был приставлен караул. «При безвластии и имея искушение, они все оставались трезвы», — пишет сенатор.

Весь день продолжались переговоры, оставшиеся бесплодными, и Горголи ни с чем возвратился в штаб дивизии. Генерал Коровкин собрал военный совет, на котором было решено на завтра применить к мятежникам оружие. Им было об этом объявлено и в то же время предложено всем раскаявшимся в участии в мятеже удалиться из лагеря, для чего на всю ночь с 30 на 31-е мая ущелье было оставлено свободным. Решимость

мятежников была настолько упорна, что никто, кроме нескольких женщин и детей, не ушел из лагеря. В эту ночь в лагере мятежников не спали.

Едва взошло солнце 31 мая, как к бунтовщикам в последний раз пришел от штаба парламентер с предложением покориться. Ему ответили отказом. Тогда был сделан один пушечный выстрел гранатой через головы восставших. От выстрела на противоположном конце селения загорелся стог сена. Толпа разразилась громким «ура!». Из уст в уста начала передаваться весть, что стрелять в них не будут. Но затем отдан был приказ стрелять в толпу картечью. И с близкого расстояния, почти в упор, в собравшихся на тесной площадке городка мятежников было сделано 23 выстрела, после которых уланы в пешем строю пошли в атаку. Трудно вообразить, что произошло после такого бешеного артиллерийского обстрела на маленькой площадке, где собралось более 3 000 мятежников. Картечь произвела страшное опустошение. Вооруженные карабинами, уланы наступали по всем правилам боя: после выстрела они отступали в заднюю шеренгу и пропускали вперед пикинеров. Но, несмотря на потери, на разительную разницу в вооружении, восставшие мужественно защищались, ранив до 50 улан и эскадронного командира ротмистра Баранова. Неравный бой длился недолго. Наступавшие со всех сторон уланы загнали мятежников на середину деревни и здесь заставили их сдаться.

Во всеподданнейшем рапорте сенатора Горголи показано, что во время усмирения убито на месте 52, тяжело ранено — которые там же и умерли — 28, а всего 80 человек, в том числе одна женщина. Отправлено в госпиталь раненых 100 человек, из них 29 умерло, 39 выздоровело, а 32 оставались в

госпитале к 14 августа, когда был подан этот третий его рапорт. Несомненно, показанные здесь цифры далеко ниже действительных. Сведения поступали к Горгули от начальства дивизии, которое старательно преуменьшало потери мятежников, так как Горголи не одобрил столь жестокой расправы генерала Коровкина с мятежниками, о чем и писал царю. По другим сведениям, только в Андреевский госпиталь (Борисоглебского уланского полка) было доставлено около 400 раненых, а в рапорте сенатора Горголи, согласно донесениям начальства, в Андреевском госпитале показано лишь 60 человек. В этот госпиталь было привезено так много раненых, что поместить их в нем оказалось невозможно, и их положили в манеже на земле на соломе в четыре ряда. Три госпитальных врача Бирнбаум, Пауль и Следзиевский работали не покладая рук, и все же большинство раненых умерло.

Несмотря на страшное наказание, уже постигшее мятежников,—как всегда, за усмирением следовала кара. Неизвестно, до какой бы новой жестокости дошло дело, если бы правительство не поняло, наконец, что действия генерала Коровкина не только не могут успокоить население, но способны вызвать взрыв во всей Украине. Поэтому расследование дела было поручено сенатору Горголи, раньше писавшему царю, что в восстании крестьян есть доля вины начальства. Представляя царю рапорт о причинах мятежа, Горголи указывает как на «нерасположение крестьян к переходу в военные поселяне», так и на «несоблюдение достаточной осторожности при введении новых порядков и вследствие непринятия своевременных мер предосторожности для сохранения спокойствия среди населения». Свидетель свирепой рас-

правы генерала Коровкина с мятежниками, он не обвиняет его прямо в жестокости, но говорит, что оставшиеся в живых мятежники, уже три месяца томящиеся в тюрьмах, отчасти искупили свою вину, и добавляет, что ему, ездившему по селениям для расследования дела, большого труда стоило успокоить взволнованное население. Последнее обстоятельство — возможность нового бунта в бо́льших еще размерах — подействовало на царя. Поэтому, когда Горголи, разделив виновных в мятеже на две категории — 50 человек зачинщиков и подстрекателей и 163 человека, менее виновных, — стал ходатайствовать о прощении последних, — царь «милостиво» простил их.

Все зачисленные во вторую категорию «прощены» и отпущены по домам. По первой же категории: Степан Демин, «который первый начал возмущение, был атаманом мятежной толпы и посылал людей во все селения для возмущения к мятежу», и Кузьма Ведерников, «который в общей толпе был начальником над мятежниками слободы Лозовенки и самым дерзким и неукротимым бунтовщиком», — преданы были суду и сосланы в каторжные работы «вечно». Остальные 48 человек отправлены в Елисаветград на службу в поселенные эскадроны 3-й уланской дивизии.

Но взбешенный нераспорядительностью и тупостью начальства, допустившего восстание, Николай Павлович покарал и офицеров. Отрядный начальник генерал Коровкин и командир Серпуховского уланского полка полковник Синадино были отрешены от командования, а несколько офицеров посажены на гауптвахту.

Так, в течение 13 лет, то в северных, то в южных поселениях происходили восстания «облагодетельствованных» поселян, пока, наконец, в 1831 году

не произошло в них последнее, самое мощное и опасное для самодержавия массовое движение с ярко выраженным классовым характером, грозившее всем устоям дворянского государства.

ВОССТАНИЕ В СТАРОРУССКОМ УДЕЛЕ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

О причинах восстания в новгородских военных поселениях в 1831 г. с самого их начала сложились у генералов, у враждебно настроенных к крестьянам «очевидцев» этих востаний — попов, чиновников, а от них и у всех дворянских историков — совершенно неправильные представления. Общее мнение всех этих «очевидцев» и «историков», открыто высказываемое ими, сводилось к тому, что восстание было вызвано холерной эпидемией.

Так, центральная новгородская следственная комиссия, учрежденная по делу о восстании военных поселян летом 1831 года, будто бы «удостоверилась... что единственным поводом к мятежу поселян, убийству местного начальства... послужили нелепые слухи, что относимая к появлению болезни холеры смертность [1] происходит от отравы, и что местные начальники состоят в заговоре истребить посредством оной нижний класс народа». Так рапортовали царю генералы, производившие следствие о восстании поселян.

Это было крайне не умно. С самого начала возмущения правительство отчетливо понимало под-

---

[1] Смертные случаи от холеры в военных поселениях были единичны, что является лишним доказательством несостоятельности «единственного» повода к восстанию, найденного следственной комиссией.

линный смысл страшного для дворянского государства восстания. Николаю Павловичу лично от самого командира поселенного корпуса пришлось услышать, что «холера и отрава суть только предлоги, которыми подстрекают толпу, но что настоящая цель бунта есть желание освободиться от военного состояния».

Однако объявлять истину «верноподданным» было нельзя; им необходимо было внушить (о чем и было объявлено манифестом), что страшное восстание есть обыкновенный солдатско-крестьянский бунт, основанный на невежестве черни. В первой главе кратко сказано о том, что представляла собой «жизнь» военных поселян. Здесь и только здесь лежали все причины, приведшие к страшному взрыву. Но холера, появившаяся в 1829 году на востоке России и к 1831 г. свершившая свой гибельный поход по центральным губерниям и проникшая в самую столицу, — послужила в военных поселениях удобным поводом к восстанию.

Повод этот не был «единственным» и не мог быть им, но он действительно был последним толчком к восстанию.

Мероприятия министра внутренних дел Закревского, клонившиеся к пресечению холеры устройством карантинов, остановить эпидемии, разумеется, не могли, но привели к огромному скоплению на карантинных линиях обозов и людей, к тяжкой и бессмысленной «окурке» их известным составом и способствовали лишь распространению болезни и еще большему негодованию на начальство. В то же время в секретном циркуляре военным губернаторам предписывалось принять меры против неблагонадежных лиц, «рабочих разного звания»,

в количестве до 12 000 чел., высланных из Петербурга[1]...

Люди эти, проходя по территории военных поселений, «занесли туда слухи, что холеры нет, а есть отрава и виноваты в том начальники».

Этого было достаточно, чтобы вполне созревшая на классовой основе ненависть военных поселян к начальству и «господам» нашла выход в восстании.

Восстание вспыхнуло в Старой Руссе вечером 11 июля.

Обстановка вполне благоприятствовала восставшим. Войск в городе не было. Гренадерские баталионы поселенного корпуса находились в лагере под Княжьим двором, в 50 верстах от города. в Старой Руссе, в распоряжении полицеймейстера Манджоса, была лишь полицейская команда, пожарные и три роты военного рабочего баталиона, находившиеся в городе для построек и ремонта казенных зданий. Но Манджос не мог рассчитывать и на эту силу. Самой ненадежной ее частью был рабочий баталион. Мастеровые рабочих рот жили в каторжных условиях.

Летом в 1831 г. строительные работы в Старорусском уделе военных поселений производились в огромных размерах и всей тяжестью ложились на плечи мастеровых баталиона. Их изнуряли работой. В то время, когда солдаты резервных баталионов были в лагере и пользовались если не свободой, то летним отдыхом, мастеровые начинали работу с пяти часов утра и кончали ее вечером, весь день томясь на удушливой жаре исключительно жаркого лета 1831 года. К тому же их беззастенчиво обворовывало начальство. Командир ра-

---

[1] После бунта на Сенной площади 22 июня 1831 года.

бочего баталиона, майор Розенмейстер, находился под судом за кражу солдатских денег, но продолжал командовать баталионом. Не отставали от него в этом и остальные офицеры. Мелочные придирки, постоянные дисциплинарные взыскания, — вся эта каторжная жизнь измучила солдат. Рабочий баталион квартировал частью в городе, частью на биваках, за городским валом, по Крестецкому тракту. Здесь, на линейках бивака, после пробития вечерней зори, началось восстание.

Последним толчком к открытому возмущению послужило поведение капитана Киевского поселенного полка Шаховского. Капитан совершал вечернюю прогулку и, проходя мимо линеек бивака, не ответил на окрик часового. Это дало повод заподозрить, что капитан приходил с недобрым намерением. Среди солдат и в городе давно ходили слухи, что начальство хочет всех извести. Капитан был схвачен, обвинен в рассыпании яда и избит. Сразу же возбужденные мастеровые баталиона бросились в город на поиски начальства, по дороге избив встретившегося им полицейского надзирателя Савастьянова. К ним присоединились горожане.

На городской площади толпа ворвалась в дом присутственных мест, в отделение военной городской полиции, строительного комитета, квартирной комиссии и в зал общественного собрания. Везде искали полицеймейстера Манджоса, дворян, офицеров. Не найдя их там, толпа рассеялась по всему городу. Над городом поплыли звуки набата. Мятеж разростался. На городской площади была разгромлена аптека. Аптекарь Вайгнер был убит.

Полицеймейстер Манджос хотел было сорганизовать полицейскую команду из жителей города для отражения мятежников, но ненависть к нему

всего населения была настолько велика, что ему не удалось завербовать ни одного человека. Тогда он попытался скрыться, но вскоре был найден и убит. Ненависть к нему, даже мертвому, не угасла: старики-раскольники приходили на площадь топтать его труп ногами.

Старшим в городе был председатель строительной комиссии генерал-майор Мевес. Услыхав о мятеже, он оделся в парадную форму и на дрожках поехал на городскую площадь, надеясь своим присутствием и словом подействовать на мятежников. Ему удалось сказать речь. Мятежники довольно спокойно выслушали речь генерала, и это, казалось, обещало благополучный исход. Но когда генерал хотел уехать, из толпы закричали: «берите его!»

Мевеса стащили с дрожек и тут же на площади убили. В других частях города также продолжались поиски начальства. Мятежники арестовывали спрятавшихся офицеров, чиновников, помещиков, избивали и приводили на городскую площадь, где был устроен суд над дворянами.

Не было забыто и духовенство. На другой день архимандрита Спасопреображенского монастыря Серафима толпа заставила выйти из монастыря и присутствовать на народном суде над арестованными. Вместе с архимандритом на городскую площадь толпа заставила притти и белое духовенство. Посередине площади стоял стол, покрытый красным сукном. За столом сидели рабочие 10-го батальона, мещане и купцы. Невдалеке валялся труп полицеймейстера Манджоса. Шел допрос лекаря Богородского.

Увидя столь страшную картину, архимандрит ужаснулся, но, не теряя присутствия духа, попытался единственным остававшимся в его распоря-

жении приемом отстранить себя от ответственности и той невольной роли, которую ему навязали: он начал молебствие.

Во время молебствия толпа вела себя спокойно, но как только молебствие кончилось и архимандрит хотел удалиться с площади, он был остановлен народом. Несмотря на протесты архимандрита, на его красноречие, он был посажен за стол судей и должен был не только принять участие в допросе лекаря, но склонять его написать показание.

Пользуясь суматохой, духовенство, пришедшее с архимандритом, сбросив ризы, тайком удалилось с площади; покинули площадь и купцы. Оставшись один, без всякой поддержки, архимандрит окончательно пал духом и вместе с судьями подписал показание Богородского [1]. После этого его отпустили домой, а лекаря отправили на гауптвахту.

К судному месту со всех концов города приводили арестованных. Некоторые из арестованных были подвергнуты устному, а другие письменному допросу, как раньше лекарь Богородский. После допросов арестованных отправляли на гауптвахту и по разным учреждениям присутственных мест.

Восставшие фактически были хозяевами города. Стремление к организованности, к революционной законности, к порядку замечались уже с

---

[1] Это не было прощено архимандриту дворянским правительством. Власть была сурова к своим чиновникам, запятнавшим свою репутацию каким-либо промахом, хотя бы невольным или вынужденным, в таком страшном для господствующего класса деле, как восстание военных поселян. По распоряжению митрополита архимандрит был сослан в бедный заброшенный Хутынский монастырь.

начала восстания. Авторитетом у мещан пользовался городской староста Солодожников. Он распорядился выставить у застав города караулы из мещан. Свободный въезд и выезд из города прекратился. Всех подозрительных караулы направляли от застав на площадь.

Солодожников командировал в госпиталь мещанина Воробьева, освобожденного утром из-под ареста. Воробьев должен был проверить существующие в госпитале порядки и доброкачественность пищи. Ни Воробьев, ни сопровождавшая его толпа «никаких неистовств в госпитале не чинили».

Первое время власть и инициативу действий делили с Солодожниковым мастеровые рабочего баталиона, настоящие зачинщики восстания и главари его.

Но задачи их и круг действий мастеровых были шире, чем задачи и цели горожан. За пределами города, на всей площади уезда, тесно примыкая друг к другу, находились округа военных поселений, — эти пороховые погреба, которые необходимо было взорвать. Мастеровые рабочего баталиона рассеялись по уезду.

Совсем не так действовали купцы. Недовольные властью за стеснения в торговле с переходом города в военное ведомство, представители городской торговой буржуазии на первых порах, примкнув к движению, пытались возглавить его и направить по желаемому для них руслу. Скоро, однако, они убедились, что движение перекидывается за поставленные ими рамки. Развернувшись столь бурно и грозно, спутав все их карты, движение солдатско-крестьянских масс не только лишило их руководства им, но стало угрожать собственному их благополучию как со стороны вос-

ставших, так и, в случае их поражения, со стороны «законных» властей, на явный разрыв с которыми купцы вовсе не хотели итти. Большинство из них трусливо, тайком покидало город или пряталось по домам.

Что делало в это время начальство?

Начальник поселенного корпуса генерал-лейтенант Эйлер получил известие о восстании 12 июля, в 2 часа дня, в штабе корпуса в Новгороде и не первый из высшего начальства узнал о нем. В деревне Дубовицы, в двух верстах от Старой Руссы, разбуженный ночью с 11 на 12-е известием о восстании, подполковник Розен соединился с бежавшим из города переодетым в солдатскую шинель аудитором Коноваловым и вместе с ним поспешил на подводе в Княжий двор, — лагерь всех резервных баталионов гренадерского корпуса. Здесь он донес о восстании начальнику 2-й гренадерской дивизии генерал-майору Леонтьеву. Леонтьев отправил его с донесением дальше—в Новгород, к генералу Эйлеру, а сам принял первые меры к подавлению восстания. По его приказу в 10 часов утра выступили из лагеря два сводных полубаталиона 3-го и 4-го карабинерных полков под начальством майора Ясинского. Майор Ясинский получил предписание: стараться убедить заблудших мерами кротости, а если они останутся недействительными, то усмирить оружием. Ему поручалось также захватить всех главных бунтовщиков.

В свою очередь генерал Эйлер «взял свои меры».

Меры эти были следующие: 1) генералу Леонтьеву с двумя баталионами немедленно отправиться на подводах в Старую Руссу и восстановить там порядок, а четырем баталионам выступить туда же вслед за ним и расположиться в городе на пло-

щади; 2) генералу Томашевскому[1] отправить тотчас два карабинерных баталиона в Устрику, в 20 верстах от Старой Руссы, и приказать ожидать им приезда Эйлера; 3) баталиону Австрийского полка[2] отправиться немедленно через Ильменское озеро в новгородское поселение, а трем остальным баталионам содержать порядок при Княжьем дворе; 4) баталионам, находящимся на карантинной линии, следовать форсированно к Старой Руссе[3]; 5) подполковнику Баттому с двумя баталионами и четырьмя ротами удерживать порядок в Новгороде и около него.

Сделав эти распоряжения, генерал Эйлер с курьером послал донесение царю о событиях. Донося о восстании в Старой Руссе, генерал причиной бунта считал появление эпидемии и недоверие поселян к начальству, которое якобы хочет отравить народ. Он упоминал о том, что намерен лично выехать в Старую Руссу и до своего приезда предписал генералу Леонтьеву «ни в какие действия не вдаваться и если возможно действовать кротостью».

Николай I одобрил меры, принятые генералом Эйлером для подавления восстания. Но это одобрение относилось лишь к отправке из лагеря от-

---

[1] Генерал-майор Томашевский—начальник 1-й гренадерской дивизии, расположенной по обоим берегам реки Волхова в волостях Новгородского уезда.

[2] Баталион Австрийского полка принадлежал к 1-й поселенной дивизии и «на всякий случай» был отправлен Эйлером на место своего расположения. Он оказал плохую услугу генералу Эйлеру, подняв восстание в Новгородском уделе военных поселений.

[3] По случаю холеры баталионы 8-й пехотной дивизии занимали кордонную линию (карантин) между озерами Ильменским и Псковским и находились в распоряжении генерала Эйлера.

ряда в мятежный город. Что же касается «мер кротости», которыми Эйлер надеялся ликвидировать восстание, то царь сразу и решительно отверг подобные меры. Он предписал генералу немедленно «принять самые деятельные и решительные меры и при малейшем сопротивлении немедленно принудить бунтовщиков к безусловному повиновению силой оружия».

Так с самого начала восстания не совпали методы воздействия на восставших верховного руководителя государства — царя — и генерала Эйлера. В дальнейшем это привело к большим недоразумениям. Царь не допускал послабления восставшим, он не хотел и не мог входить в личные мотивы действий генерала. Он понимал, что восстание надо ликвидировать сразу, решительными мерами, пока еще не охвачены им соседние округа поселенного корпуса. В противном случае правительству пришлось бы иметь дело с грозной силой. Царь не согласился и с попыткой генерала Эйлера причину восстания искать в холере. Поэтому генералу предписывалось царем «произвести тщательное исследование для обнаружения истинных причин, подавших повод к возмущению». Он должен был всех виновных без исключения предать военному суду; суд над зачинщиками произвести в 24 часа и с личным мнением о происшествии представить на высочайшее утверждение с нарочным курьером.

Пока скакали курьеры из Новгорода в Петербург и обратно, обстановка восстания резко изменилась.

12 июля, в 11 часов ночи, отряд майора Ясинского прибыл к штабу Киевского гренадерского полка, в деревню Дубовицы. Построив баталион в боевой порядок, и, прикрываясь передовыми пикета-

ми, с барабанным боем, с ружьями, заряженными боевыми патронами, колонна двинулась к городу. Но в городе Ясинский обнаружил крайнюю нерешительность. Очевидно, подозревая своих гренадер в сочувствии восставшим, он не пытался разогнать мятежников силою оружия. И даже больше: когда на другой день мятежники соседних округов: Киевского и Виртембергского, где с утра 13 июля бушевал мятеж, — стали привозить в город убитых и избитых офицеров и чиновников, он принимал их из рук в руки и с миром отпускал поселян в свои округа. Разговорами с мятежными толпами да освобождением из-под ареста пленников ограничивалась его деятельность.

Нерешительность Ясинского, неуверенность в своих силах и страх перед восставшими не могли не ободрить последних. Восставшим было ясно, что начальство соблюдает осторожность и не намерено действовать решительно. Рабочий баталион и вернувшиеся на места своих стоянок поселяне Киевского и Виртембергского полков, разумеется, сразу же учли это обстоятельство. Огонь мятежа с необыкновенной быстротой побежал по округам поселений. Мастеровые рабочего баталиона, начавшие возмущение, и в дальнейшем явились руководителями восставших. Переезжая из округа в округ, они везде поднимали возмущение в баталионах, вполне к тому подготовленных.

Офицеры поселенных баталионов, квартировавшие с своими ротами и взводами в многочисленных деревнях уезда, поселенное духовенство, врачи, чиновники, местные помещики, — вообще все «господа» были захвачены врасплох восстанием. Многие из них, пытаясь скрыться, уезжали из своих баталионов в соседние, старались пробраться в Княжий двор, в Старую Руссу и в Новгород, но

большею частью попадали в руки поселян, избивались и направлялись поселянами в Старую Руссу, где рабочие баталиона «судили дворян». С приходом в город нового отряда под командой генерала Леонтьева положение не изменилось. Несмотря на то, что в городе под его командой скопилось до трех тысяч правительственных войск с артиллерией, генерал проявил еще большую осторожность, чем Ясинский. Он не принял никаких мер к успокоению ближайшего к городу округа Киевского поселенного полка, ни к задержанию зачинщиков из мастеровых рабочего баталиона, часть которых продолжала стоять биваком за городским валом. Выполняя приказания генерала Эйлера, он поставил сильные посты ко всем выездам из города, разместил биваком баталионы и артиллерию на площадях и усиленно занялся гарнизонной службой.

А между тем дело было вовсе не в спокойствии города. Мятеж бушевал в округах Киевского и Виртембергского полков: в первом — с 12 июля, а во втором — с утра 13 июля. Из Виртембергского округа он перекинулся в соседний округ 4-го карабинерного полка.

Поселяне не без основания не верили в реальность угрозы со стороны города и продолжали привозить в город своих офицеров на суд 10-го рабочего баталиона — защитников народа,— такой ореол приобрели в глазах поселян мастеровые баталиона.

Вечером 13 июля пришел в Дубовицы генерал Эйлер с двумя баталионами карабинеров и восемью орудиями. Хотя генерал Эйлер мечтал отличиться подавлением восстания и приобрести репутацию чуть ли не спасителя трона, но ни личные его качества (по отзывам сослуживцев, он от-

личался жестокостью и необыкновенной трусостью), ни обстановка, которую он застал в округах поселений, не позволяли надеяться на скорое подавление восстания. Мятеж бушевал почти во всех округах 2-й поселенной дивизии, а 14 июля перекинулся в округа поселенной артиллерийской дивизии. Генерал Эйлер не только не пошел усмирять мятеж в округах дивизий, но даже не вступил с своими баталионами в город, как обещал царю.

А между тем силы правительственных войск были весьма значительны, поселяне же не имели не только артиллерии, но и вообще сносного вооружения. Но страх перед поселянами был настолько велик, что, имея одиннадцать кадровых баталионов и артиллерию, генерал Эйлер считал себя недостаточно сильным, чтобы приступить к усмирению восстания, и потому приказал баталионам 8-й пехотной дивизии, не принадлежавшей к поселенному корпусу, форсированно итти с карантинной линии в Дубовицы. У царя же он просил еще несколько эскадронов кавалерии. Впрочем и эта «письменная» деятельность генерала Эйлера скоро закончилась.

15 июля свершилось событие, которое имело решающее значение для дальнейшего поведения трусливого генерала: он получил известие, что в тылу его войск, по дороге на Новгород, в селе Коростыне, восстали поселяне Барклаевского полка [1]. Генерал Томашевский, выступивший против восставших с двухбаталионным отрядом и артиллерией, донес генералу Эйлеру, что входившие в со-

---

[1] Барклаевский полк входил в состав 1-й гренадерской дивизии, но был расположен в районе 2-й гренадерской дивизии в Коростынской волости.

став его отряда артиллеристы и баталион Аракчеевского полка отказались повиноваться и действовать против поселян, и сам генерал едва не попал в плен к поселянам.

В том же рапорте Томашевский пишет о другом ошеломляющем известии: поселяне Барклаевского округа возмутили крестьян находящейся по соседству Свинорецкой волости [1], и те вместе с мастеровыми 5-го и 6-го военных рабочих баталионов 17-го утром напали на оставленный генералом день назад лагерь при Княжьем дворе. Они разгромили лагерь, перевернули все офицерские палатки, уничтожили имущество офицеров и убили полковника Неймана и майора Маковского. Это решило дело. С этого момента генералом Эйлером окончательно овладело паническое настроение. Не столько поразила генерала измена гренадер генерала Томашевского (хотя и этот факт представлялся невероятным в те времена случаем), сколько то, что пожар восстания бушевал уже в тылу его отряда, и дорога на Новгород была отрезана. Он не помышлял теперь об усмирении восстания, об арестах и наказании виновников возмущения, забыл и о своих обещаниях царю.

Сразу же по получении известий о новых восстаниях генерал Эйлер, не дожидаясь даже смены своих карабинеров, находящихся в карауле, поспешно выступил из Дубовиц и побежал к Новгороду. Но фортуна не совсем отвернулась от генерала: на пути в Новгород он получил известие о восстании поселян 1-й гренадерской дивизии, расположенной за Новгородом, по берегам реки Волхова. Это обстоятельство спасло репутацию

---

[1] Свинорецкая волость не входила в состав военных поселений.

генерала: царю он донес, что, исполняя долг верноподданного, узнав о восстании, немедленно бросился с отрядом с целью восстановить порядок «в местах, столь близких к пребыванию императорской фамилии».

Генералу пришлось проходить с отрядом мятежное село. В селе его не встретило начальство: офицеры были перебиты или арестованы. Округом управляла выбранная поселянами тройка — командиры из солдат. Генерал держался с ними трусливо и унизительно. Чтобы умилостивить поселян и самому уйти невредимым, генерал соглашался с поселянами во всем, говорил им о суде над офицерами (!), приказал содержать их под строгим арестом, толковал с выборными командирами-солдатами (каково это было ему — выученику Аракчеева?) о продовольствии, их нуждах и т. д.

Царю он писал: «Взять с собой чиновников и офицеров не мог по причине их болезненного состояния, как и потому, чтобы не произвести нового возмущения».

Рано утром 20 июня Эйлер с карабинерами и артиллерией прибыл в Новгород, но, до конца верный себе, не помышлял об усмирении поселян 1-й гренадерской дивизии.

ВОССТАНИЕ В НОВГОРОДСКОМ УДЕЛЕ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Новое возмущение вспыхнуло 16 июля за Новгородом в Австрийском полку, в 100 верстах от Старой Руссы.

Связи между 2-й и 1-й гренадерскими дивизиями не было, и поселяне последней плохо знали о событиях, разыгравшихся в округах Старорус-

ского удела военных поселений; до них лишь глухо доходили слухи, что в Старой Руссе бьют ненавистное начальство и господ. Внешне жизнь поселян текла попрежнему, но внутренне подготовка к возмущению шла интенсивно. Здесь, как и во 2-й поселенной дивизии, почва для восстания была подготовлена долгими годами физического и морального гнета, и потому достаточно было малейшего повода, чтобы восстание вспыхнуло с яростной силой. Помогло этому распоряжение генерала Эйлера об отправке из лагеря резервного баталиона Австрийского полка в район его постоянной стоянки.

Гренадеры резервного баталиона хорошо были осведомлены об успехах восстания в округах Старорусского удела, знали они также о цели своего прибытия: они могли понадобиться только для того, чтобы штыком и пулей заставить своих отцов и братьев покориться и вместе с ними вновь нести чудовищную тяжесть ненавистного режима. С другой стороны, все виденное и слышанное ими за время похода давало неясную, но радостную надежду на избавление. Общение их с поселянами сразу же по прибытии на место стоянки имело роковое значение для поселенного начальства: оно укрепило солидарность во взглядах на события поселян и гренадер и вырвало из рук начальства последнюю его опору на случай возмущения — вооруженную силу.

Уже на другой день по прибытии баталиона поселяне, воспользовавшись незначительным поводом, подняли восстание в Австрийском полку.

Началось восстание во 2-й роте поселенного баталиона, находившейся на покосе, и через час распространилось по всему округу. Посланный на усмирение резервный баталион присоединился к

восставшим. Были убиты командиры резервного и поселенного баталионов, несколько офицеров и лекарь. Многие из офицеров были избиты и посажены на гауптвахту, избит был и священник. В это время выступил на сцену начальник строительных работ в округе Австрийского полка инженер-подполковник Панаев, сыгравший немаловажную роль в бурно развернувшихся событиях. Панаев не был непосредственным начальником поселян. Многие его вовсе не знали, и это имело большое значение. Он обратился к поселянам с речью, уговаривая их не трогать офицеров, а донести об их жестокости царю, а царь уже рассудит и сам пришлет палача. Со смертью же офицеров теряется средство открыть их вину и сообщников. Он предложил сдавать офицеров ему под арест. Уговорил он также поселян отправить депутатов к царю, вызвавшись сам быть свидетелем законности их поступков. В дальнейшем он широко спекулировал на чувстве долга и присяги старых солдат, на неприкосновенности и священности знамени, внеся всем этим в среду восставших элементы разложения. Благодаря его вмешательству удалось избежать смерти священнику Лавру и многим офицерам, — всех он брал под свое покровительство и отправлял на гауптвахту «до разбора дела». На гауптвахте скопилось 38 арестованных офицеров. С их помощью он надеялся усмирить восстание, тайно передавая им на гауптвахту оружие. Но для этой цели нехватало вооруженной воинской части. Панаев написал несколько рапортов высшему начальству в Новгород, прося прислать в его распоряжение хотя бы одну роту. Один из рапортов дошел по назначению, но ответ на него получился совершенно неожиданный. Начальство сделало Панаеву строгий

выговор за то, что он не доносил ежедневно о событиях в округе, и, испуганное за свою личную безопасность, отказывало ему в присылке вооруженной силы. Впрочем, Панаев и сам скоро убедился, что надежной роты в городе не было. Ночью из города пришли два артиллериста и два мастеровых рабочего баталиона с предложением от товарищей, оставшихся в городе и от устроенных около города постов (кольцо постов было выставлено кругом города для защиты от мятежников), перевязать своих начальников и привести в округ. Все эти происшествия в округе и городе, а также дошедшие слухи о восстании в соседних округах, заставили Панаева убедиться, что возмущение носит характер классовой политической борьбы, а не холерного бунта. Когда он, не уразумевший еще окончательно причин яростной ненависти поселян к начальству, подошел к одному старику-поселянину, пользовавшемуся большим уважением, и сказал:

— Послушай, старик, ты человек умный и можешь рассудить, как же можно отравить всех?

Старик ответил ему:

— Что тут говорить? Для дураков яд да холера, а нам надобно, чтоб вашего дворянского козьего племени не было.

Старик-поселянин выразил этими словами вошедшую в плоть и кровь поселян и накопленную в их сознании столетиями ужасающей эксплоатации и издевательств классовую ненависть крепостного крестьянства к своим эксплоататорам — дворянству и его государственной власти.

* * *

Округ Прусского полка находился на правом берегу реки Волхова, напротив округа Австрий-

ского полка. 17 июля, утром, военный поселянин Австрийского полка Федор Федоров переправился через Волхов в 4-ю поселенную роту Прусского полка и сообщил поселянам о восстании в своем округе. Мятеж сразу же распространился по всему округу Прусского полка. Здесь повторились те же события, что и в Австрийском полку: наиболее ненавистные офицеры были казнены на полковом плацу, другие же наказаны розгами и посажены на гауптвахту. Как и в Австрийском полку, здесь был избран начальником округа «строитель» — инженер-капитан Кастеров. Поселянам он был нужен только как свидетель законности их возмущения; приказов его никто не исполнял, и на другой же день он был отстранен. Командиром округа избрали поселянина Леонтия Красникова. С согласия всех членов реорганизованных ротных комитетов Красников назначил из поселенных унтер-офицеров и рядовых командиров поселенных рот. До 21 июля «все словесные и письменные приказы по округу отдавались им».

18 июля на полковом плацу снова наказывали пойманных офицеров и чиновников. Не избежали наказания и младшие начальники. «За притеснения и лишние подводы» наказаны розгами несколько фельдфебелей и каптенармус. Школьного учителя Гаврилова жестоко высекли розгами поселянки за то, что он сек их детей-кантонистов.

Необходимо отметить, что поселяне, как только власть в округе перешла к ним, строго соблюдали революционный порядок. Попытки грабежа сурово пресекались на месте. Двоих поселян, пытавшихся расхитить имущество офицеров, жестоко наказали на полковом плацу их же товарищи. Семейства офицеров и чиновников не терпели от

восставших никаких притеснений и обид. Член прежнего полкового комитета священник Воинов, перенесший от поселян за время возмущения немало оскорблений и не жалевший красок, чтобы очернить «ожесточенных злодеев», принужден был, однако, признать, что поселяне «были в квартире полкового командира и госпитального смотрителя, где оставались их семейства, но там они ничего, кроме осмотра, оскорбительного не причинили, а, напротив, еще старались успокоить их семьи и обнадежили в личной их безопасности». Но ко всем чинам поселенного начальства, которых поселяне считали виновниками своей тягостной жизни, они были беспощадны.

Но поселяне Прусского полка не забыли о соседних, пока не втянутых в восстание, округах военного поселения. 18 июля, утром, они большой толпой направились в округ Аракчеевского полка и подняли в нем восстание. В тот же день фурштадтский взвод Прусского полка, расположенный на реке Вишере, служившей границей между полками Прусским и наследного принца Прусского, в полном составе переправился через Вишеру и явился в 1-ю поселенную роту этого полка. Солдаты рассказали поселянам о восстаниях в округах дивизии. Возмущение сразу же охватило весь здешний округ. Поселяне бросились в штаб полка, но поселенного начальства там уже не было. Офицеры и чиновники округа раньше узнали о возмущении в соседних округах, и все уехали в Новгород. Мятеж распространился за пределы территории военного поселения этого полка. За границей округа находились помещичьи усадьбы. Рядовой фурштадтского взвода Прусского полка Баранов поскакал верхом по берегу реки Мсты, заезжая всюду в селения помещичьих крестьян и

возбуждая их против помещиков. Он имел успех. Два помещичьих имения были разгромлены; помещице Шабранской нанесены побои.

В Аракчеевском полку мятеж принял наиболее жесткие формы. Здесь активное участие в возмущении приняла мастеровая полурота полка.

Буря бушевала на двухсотверстном пространстве.

Представители привилегированного сословия, не принадлежавшие к военному миру — помещики, владельцы имений, находившихся внутри округов военного поселения, и те из них, имения которых находились в близком соседстве с мятежными округами, — один за другим бросали свои насиженные гнезда и бежали в Петербург и Новгород под защиту властей.

Граница округа Аракчеевского полка находилась недалеко от села Грузино — резиденции графа Аракчеева. Здесь «на покое» доживал свои дни главный строитель военных поселений. В дни восстания не было покушений на его жизнь. Крутясь в водовороте восстания, поселяне забыли о нем. Но мощный гул восстания дошел до села Грузино 20 июля. Узнав о возмущении в полку его имени, Аракчеев в коляске, запряженной четверкою лошадей, скакал весь день из Грузина в Новгород, делая огромный крюк для объезда военных поселений. Но в Новгороде его ожидало новое огорчение: испуганное восстанием начальство, опасаясь, что одно присутствие Аракчеева вызовет в Новгороде возмущение, побуждало его к выезду в Тверскую губернию. Тогда Аракчеев обратился к Николаю с письменной жалобой. Царь успокоил графа письмом, уверяя его, что он «безопасен везде, где царская власть простирается», и сделал выговор начальству города. На-

чальство извинилось, но оскорбленный и все еще трусивший граф не пожелал оставаться в городе: под охраной сильного конвоя он выехал в Тверскую губернию к знакомому помещику.

ВТОРОЕ ВОССТАНИЕ В СТАРОЙ РУССЕ

Бегство генерала Эйлера с баталионами в Новгород не могло не ободрить поселян. Это бегство внушило им уверенность, что начальство их боится. И действительно: начальник всех округов поселенного корпуса прибыл в Дубовицы с внушительной карательной силой, но никакой кары не последовало, — все ограничилось лишь разговорами генерала с поселянами, разъяснениями и увещаниями, оставшимися к тому же бесплодными. Теперь положение в округах 2-й поселенной дивизии сразу изменилось.

Через день после бегства Эйлера генерал Леонтьев доносил ему, что поселяне Киевского округа (район, где стоял с отрядом до бегства Эйлер) и соседнего Виртембергского округа взволновали поселян округов 3-го карабинерного и Екатеринославского полков, что волнения в округе артиллерийской бригады усилились, везде избивают офицеров и чиновников и — что хуже всего—взбунтовались до сего времени остававшиеся спокойными поселяне в округе Мекленбургского полка. Вследствие такого тревожного положения генерал Леонтьев настаивал на немедленной присылке ему нескольких баталионов.

И все же самое страшное было не в новых волнениях плохо вооруженных поселян. Самое страшное было в том, что генерал Леонтьев не мог рассчитывать на верность собственных баталионов, находившихся под его командой. Особен-

но возбуждал опасения резервный баталион Киевского полка, родные и однодеревенцы которого, — наиболее мятежные и активные, — находились в нескольких верстах от города. К тому же солдаты баталиона находились в постоянных, хотя и тайных, сношениях со своими родственниками из округа. Необходимо было вывести из города ненадежный баталион, вместо которого генерал Леонтьев вызвал с карантинной линии баталион 7-го егерского. Но баталион отказался покинуть город. Это неповиновение приказу сразило генерала.

Между тем из округов ежечасно поступали все более тревожные вести. В округе поселенной бригады, вооруженная ружьями, саблями, пиками и чем попало, толпа поселян в 3 000 человек овладела несколькими орудиями и артиллерийскими снарядами. При встрече с воинскими частями поселяне удачно избрали позицию, и вследствие того, что поселяне этого округа хорошо знали артиллерийское дело, они долго сдерживали артиллерийским огнем наступление баталиона егерей, убив и ранив несколько человек. По донесениям офицеров резервных баталионов, войска, находившиеся под их командой, были весьма ненадежны и ждали случая, чтобы головой выдать их мятежникам.

Еще несколько дней ждал генерал Леонтьев присылки ему надежных баталионов, но Эйлер молчал, а кадры баталионов 8-й пехотной дивизии, вызванные Эйлером раньше к старой Руссе, были по приказу царя направлены с половины пути генералом Микулиным во Псков, где произошли волнения среди городских жителей и крестьян окрестных деревень. Только баталион 7-го егерского полка (8-й пехотной дивизии, снятый с

карантинной линии), под командой подполковника Эйсмонта, вечером 19 июля вступил в Старую Руссу.

Уже десятый день, томясь на удушливой жаре, стояли на площадях и улицах города войска генерала Леонтьева. Тяжелая и беспокойная караульная служба, недоверие и неприязнь к начальству, общение солдат с городскими жителями, поселянами и мастеровыми 10-го рабочего баталиона, призывавшими перебить начальство и, наконец, явное сочувствие солдат восставшим,— все это вместе взятое сделало баталионы ненадежными.

19 июля генералу Леонтьеву лично пришлось убедиться в ненадежности своих войск, когда баталион Киевского полка, вопреки его приказу, отказался выступить из города. Последний отчаянный рапорт генерала начальнику корпуса о том, что он не надеется больше на баталионы своей дивизии и просит прислать ему другие войска или удалить его от командования, совершенно ясно характеризует подавленное состояние духа генерала.

Это настроение отразилось на распоряжениях генерала. Войска его были разбросаны по всему городу и за заставами, не имели между собой связи, не знали условного сигнала, могущего созвать их в одно место на случай наступления поселян на город.

Наступление на город начали поселяне Киевского полка. Они изгнали из Дубовиц 3-ю роту Мекленбургсокго полка под начальством капитана Жуйкова и преследовали ее до города — до моста через реку Полисть. Спасая офицеров и чиновников разных полков, прибегнувших за несколько дней до этого к защите генерала Эйлера, капитан Жуйков построил из роты карре и, скрыв

в нем офицеров, довольно благополучно дошел до города. Здесь роту встретил генерал Леонтьев. Он приказал ей охранять мост, но расположил ее так, что орудие, наведенное вдоль Петербургской улицы, по пути движения поселян в город, должно было стрелять в тыл роты. Этими приготовлениями к встрече поселян генерал Леонтьев и ограничился, о наступательных же действиях он и не думал.

Огромные толпы поселян накапливались по ту сторону моста. Поселяне не наступали. На их стороне слышен был шум, видны передвижения с места на место, но не было признака того, что они намерены разойтись по домам, на что все еще надеялся генерал Леонтьев. Так проходил час за часом. Около часа дня на виду войск, стоявших на площади, в конце Каталовской улицы появилась вооруженная толпа поселян численностью до пятисот человек. В то же время огромная толпа, стоявшая у заставы перед мостом, пришла в движение, послышались угрожающие крики, и явно было видно стремление ее ворваться в город.

Внезапно и на площади в войсках генерала Леонтьева произошло движение: солдаты Киевского полка самовольно стали становиться в ружье. Это было началом восстания. Генерал Леонтьев, находившийся у баталиона 7-го егерского полка, послал к ним штабс-капитана Лошакова с тем, чтобы офицер напомнил им о долге и присяге. Но Лошаков возвратился ни с чем: солдаты не стали его слушать. Тогда Леонтьев пошел к солдатам и спросил их, чего они хотят. Солдаты не отвечали, поворачивались к генералу спиной, производили шум, переходили из одних рядов в другие, разговаривали между собой. Генерал возвратился к егерям. Майор Ясинский бросился к

поселянам, которых сдерживала рота капитана Жуйкова, с целью «выяснить их намерения». Предводитель одной из групп поселян (общего предводителя у них не было), унтер-офицер Васильев, заявил Ясинскому о требовании поселян: выдать им генерала Леонтьева, всех офицеров и чиновников полкового управления округа Киевского полка,—в противном случае поселяне, «п о п е р в о м у з н а к у и з б а т а л и о н а К и е в с к о г о п о л к а, ворвутся в город и никого из начальников не оставят в живых». Но события начали уже развертываться стремительными темпами. Этому способствовало, во-первых, присоединение к поселянам рабочих 10-го баталиона, во-вторых, самовольное прибытие на площадь двух рот Киевского полка, до которых дошло известие о приближении поселян-однодеревенцев. Общее смятение еще более усилилось, когда солдаты этих рот оттеснили прислугу батареи, стоявшей у штаба дивизии, и завладели орудиями. Солдаты Киевского полка шеренгами закрыли устья улиц, выходящих на площадь, и этим отрезали отступление в город всем офицерам. Генерал Леонтьев с несколькими офицерами находился в это время у моста и вел переговоры с поселянами. Он, видимо, все еще надеялся на благополучный исход дела, хотя для всего города исход этот был давно ясен.

«Я был поражен, — вспоминает очевидец, — наступившей внезапно необыкновенной тишиной, предвестницей ужаснейшей бури... Люди, как привидения, мелькали из дома в дом, а из ворот и окон они выглядывали с трепетом, ожидая чего-то таинственного, зловещего. В самой природе было что-то зловещее: был страшный зной, тяжело дышалось, пот градом катился с лица, во всем

теле чувствовалась какая-то особенная слабость и изнеможение, мысли были расстроены... Солнце было как бы в затмении: сквозь мглу и туман оно казалось раскаленным ядром, с двумя кольцеобразными каймами».

Затишье продолжалось недолго. У заставы произошло движение: поселяне медленно стали подвигаться к мосту. Увидев приближение своих однодеревенцев, солдаты Киевского полка криками, свистками, бросанием вверх шапок ободряли их. На просьбу командующего орудием капитана Грязнова (орудие стояло на мосту) открыть по наступавшим огонь, генерал приказал отвезти орудие назад. Заметив отъезд орудия, поселяне, ободряемые условными знаками и криками солдат Киевского полка, ринулись на мост, и через несколько минут огромная толпа их смешалась с солдатами, стоявшими на площади. Поселяне прежде всего устремились к дому штаба дивизии, предполагая найти там генерала Леонтьева и офицеров. Несмотря на то, что перед дверьми квартиры Леонтьева стоял баталион 7-го егерского полка, поселяне ворвались в квартиру генерала, разгромили ее, выбили стекла и, не найдя в ней генерала, выбежали на улицу. Генерал Леонтьев, чтобы спасти свою жизнь, скрылся между рядами баталиона, но по высокому султану поселяне заметили его там и яростно устремились в середину колонны. Егеря раздвинулись, и мастеровой 10-го баталиона Хаим Рывкинд, схватив за грудь Леонтьева, увлек его в толпу поселян и мастеровых рабочего баталиона. Генерала сильно избили. Каждый поселянин наносил ему несколько ударов «счетом». Ночью он скончался. Большинство находившихся на площади офицеров, не ожидая себе пощады, поспешили укрыться в дом

штаба дивизии, где все они сразу же попали в руки поселян, громивших помещиков штаба.

Город наполнился поселянами, всюду искавшими начальство. В поисках скрывшихся в городе офицеров и чиновников, кроме поселян Киевского округа, активное участие приняли приехавшие в город поселяне Мекленбургского округа, мастеровые рабочего баталиона, а также многие солдаты резервного баталиона Киевского полка. Офицеры, пытавшиеся найти защиту в рядах этого баталиона, все были избиты. Солдаты баталионов 7-го егерского и сводного карабинерного полков не принимали участия в избиении офицеров, но и не защищали их, — они оставались зрителями. Офицеры этих баталионов находились при своих ротах и остались невредимы, но поселяне не пощадили никого из офицеров штаба дивизии и Киевского полка. Устрашенные жители попрятались по домам.

Только к вечеру поселяне покинули город и разошлись по своим округам.

Кроме генерала Леонтьева, было убито 20 офицеров и 30 человек сильно избиты. Хотя поселяне ушли из города, но ожидание их возвращения сковало волю оставшегося в городе начальства.

В эти два дня жизнь в городе замерла. Улицы опустели. Дома с закрытыми ставнями казались вымершими. Городское управление бездействовало. Купцы—члены городской думы и магистрата,—устрашенные возмущением, не показывались на улицах города. Все ждали нового нападения поселян. Но нападение на город не повторилось. Поселяне, вернувшиеся в свои округа, вновь подняли в них восстание.

РАЗГРОМ ВОССТАНИЯ

Какие же меры приняло правительство для ликвидации восстания?

Известие о возмущении в 1-й гренадерской дивизии привело царя в ужас. До тех пор, пока можно было надеяться, что возмущение во 2-й гренадерской дивизии не выйдет за пределы Старорусского уезда, Николай не сомневался, что оно будет подавлено генералом Эйлером. Но теперь обстановка становилась сугубо грозной: волна возмущения быстро катилась к воротам столицы. К тому же события в Австрийском полку имели одну важную особенность: к восставшим поселянам присоединился резервный баталион, т. е. вооруженная регулярная часть. Это обстоятельство крайне удручающе подействовало на царя. Он писал генералу Толстому, командующему в Литве резервной армией: «...Между тем, здесь у нас в военном поселении произошло для меня самое прискорбное и весьма важное происшествие»... (идет описание возмущения в Старорусском уделе.— П. Е.) «...но, что хуже, в Австрийском полку убили командира, и, кажется, резервный сей баталион в том участвовал». Классовым чутьем Николай I понял всю серьезность угрозы, ее размеры и классовую основу движения. Он ни на минуту не верил сообщениям генерала Эйлера о том, что восстание поселян является следствием единственной и притом случайной причины — появления холеры. Он настойчиво добивался от него выявления истинных причин возмущения. Царь понял также, что «бунт в Новгороде, — как писал он Толстому, — важнее, чем бунт в Литве, ибо последствия

могут быть страшные. Не дай и сохрани нас от того милосердный бог, но я крайне беспокоюсь». Да, он не сомневался, что тяжелая, вначале неудачная и еще далеко не оконченная война с Польшей была менее опасна по сравнению с тем, что делалось дома. Плохие последствия войны с Польшей не угрожают его трону и господствующему классу. То, что делается дома, опаснее.

Он знает: последствия могут быть действительно страшные, ибо это не простой солдатский бунт, поднятый из-за плохой пищи и мордобоя, а могучее классовое движение, корнями уходящее в гущу миллионных народных масс, способное сломать рамки господствующей системы. И разве не напоминает ему это движение, хотя и не организованное, стихийное, тот «хаос» на Западе, к которому он с ужасом присматривался в последний год? [1]

Известие о том, что возмутилась вся 1-я гренадерская дивизия, расположенная в двух-трех переходах от столицы, заставило Николая принять срочные меры. Но войск в столице было мало, все было отправлено на польский фронт, и царь пускает в оборот престиж «помазанника божия». «Я посылаю завтра Орлова, графа Строганова и князя Долгорукова, чтоб моим именем восстановить порядок. Но не ручаюсь, чтоб успели, и тогда поеду сам. Все сие крайне меня огорчает», — пишет он Толстому.

Древняя легенда о царе-защитнике народа, о царе-отце, помазаннике божьем, пускалась еще

---

[1] Речь идет о революции 1830 года во Франции, низведшей Карла X с престола, и о бельгийской революции, изгнавшей из Брюсселя принца Оранского.

раз в оборот, и царь не ошибся: она еще раз сыграла свою роль. Генерал Строганов поехал к Москве изолировать от возмущения московскую дорогу, а Орлов с Долгоруковым — в военные поселения Новгородского удела. Орлов вез с собой высочайший указ по военным поселениям.

Царский указ был написан искусно. С христианской кротостью в нем говорилось: «Виновные заслуживают примерного наказания, но государь император в милосердии своем желает прежде испытать меры кротости»... «Именем его величества даровать прощение тем, которые, чувствуя важность содеянных преступлений, изъявят чистосердечно раскаяние; но предать законной ответственности тех, которые будут упорствовать в своих злодействах». Чего же лучше: покайтесь, и всем все простится и никто не будет наказан. Государь не унизится до лжи, узнав, кто и в чем грешен, мстить не будет.

Худшие предположения Николая Павловича о причинах возмущения полностью подтвердились донесениями генералов. «Видно, что слухи об отравах и тягость карантинных мер не могли служить к оному поводом, но много способствовало к распространению мятежа ненависть и общая недоверчивость к части из начальников и притеснения от них, якобы ими претерпеваемые», — сообщал Орлов свой вывод из поездки в поселения. Столь же ясно писал о причинах возмущения и генерал Строганов: «Видимая цель поселян — воспользоваться сим неожиданным случаем (эпидемией), чтобы потрясти на долгое время основания столь ненавидимого ими порядка».

Орлову при помощи манифеста царя удалось об-

мануть поселян. Это было началом ликвидации восстания в Новгородском уделе военных поселений. Манифест царя обещал прощение и забвение всех грехов за чистосердечное раскаяние. Огромным большинством поселян Новгородского удела, вначале по крайней мере, манифест был истолкован как победа их над начальством и как — это главное — перемена в их тяжком положении. Поэтому на некоторое время, пока власти не раскрывали дальнейших своих намерений, волнения в округах этого удела утихли. Затишьем воспользовался Орлов для того, чтобы вывести из округа Австрийского полка вооруженный резервный баталион. Баталион был отправлен в Новгород.

В то же время, играя на доверии поселян к манифесту царя, Орлов деятельно подготовлял их к «раскаянию», т. е. к выдаче зачинщиков и вообще всех принимавших более или менее активное участие в восстании. Средством к этому явилась церковь; она охотно взяла на себя эту привычную ей постыдную и гнусную роль. В Австрийском полку полковник Панаев, получив приказ Орлова «довести поселян до расскаяния», не замедлил прибегнуть к этому испытанному верному средству.

«Я выпросил у преосвященного, чтобы были командированы ко мне пять человек у м н ы х м о н а х о в, кои могли бы на исповеди усовестить заблудившихся и привести к сознанию убийц. Все роты исполняли таинство покаяния. Монахи свое дело исполняли усердно»,—удовлетворенно сообщал полковник Панаев.

В других полках дело обстояло еще проще: поселяне, убежденные священниками в своих грехах, записывали убитых в свои семейные поминания.

Но об аресте виновников возмущения Орлов пока не помышлял; он ожидал прибытия выступивших секретно из Петербурга войск под командой генерал-майора Самсонова, а также снятых с карантинной линии резервных баталионов гренадерских полков. Царь прислал Орлову и программу действий. Программа состояла в следующем:

1. Под предлогом высочайшего смотра все 12 резервных баталионов 1-й и 2-й гренадерских дивизий отправить из округов отдельно друг от друга и двумя разными дорогами в Гатчину и Рождественское. По прибытии в указанные места, баталионы будут отправлены в армию.

2. Резервные артиллерийские роты направить в Красное село.

Царь предполагал обманным уводом из поселений вооруженных баталионов и артиллерийских рот лишить поддержки коренные поселенные баталионы, с которыми уже легче будет расправиться на месте.

Путь для вывода войск был избран через Медведский округ. Кратчайшим путем, через мятежные округа, выводить баталионы было опасно, и Медведский округ не без основания был избран теми воротами, через которые направлялись ненадежные баталионы. Из всех 14 округов военных поселений не было восстания только в Медведском округе, где был расположен 1-й карабинерный полк.

Начальник этого округа полковник Тризна, узнав о восстании в соседних округах, отправил баталионы на покос, за 30 верст от села Медведь, в глухую болотистую местность, сказав поселянам, что имеет извещение об идущей из Малороссии на польский фронт кавалерии. Все дни восстания

поселяне заготовляли сено, оставаясь в неведении о событиях, разыгравшихся в соседних округах.

Замечательно то обстоятельство, что царь, прекрасно знавший причину мирного настроения поселян этого округа, поспешно и охотно забыл о ней, — так ужасна для него была окружающая действительность, так необходим был ему самообман! Впоследствии он приехал в Медведь, благодарил «верный полк», подарил полку весь скот и хозяйственный инвентарь соседних восставших округов, дал и другие значительные льготы. Ему необходимо было убедить не только себя, но в еще большей степени других в верности поселян с. Медведя, поэтому он устно и письменно поддерживал эту версию:

«В Медведе все так оставалось и во все время бесподобно», — уверял он своего корреспондента, генерала Толстого.

Все эти приготовления к выводу баталионов и аресту мятежников происходили в затихших округах Новгородского удела, где Орлов деятельно подготовлял почву для приезда царя. В Старорусском же уделе, после нападения на город поселян, вновь бушевало восстание, о котором царь узнал лишь по дороге в Новгород. Это спутало все его карты. Он не поехал в Старую Руссу, как предполагалось по первоначальному маршруту поездки, и ограничился осмотром некоторых поселенных полков за Новгородом. Но и эта поездка не дает других результатов, кроме испуга и бешеной злобы, хотя сам царь и пытался представить ее как некий героический поступок.

«Я один приехал в Австрийский полк, — пишет он Толстому, — который велел собрать в манеж, и нашел всех на коленях и в слезах и в чистом раскаянии. Заметь, что, кроме Орлова и Черныше-

ва, я был один среди них, и все лежало ниц. Вот русский народ».

Уже эта похвальба, смешной героизм выдают с головой постоянно позирующего царя, а по свидетельству очевидца, полковника Панаева (видевшего в царе грозного бога), Николай позорно струсил в манеже Австрийского полка.

«Тогда начал он говорить, чтобы выдали виновных, но поселяне молчали. Я в это время, стоя в рядах поселян, услышал сзади: «А что, братцы, полно, не из них ли это переряженец?» Услыхав эти слова, я обмер от страха, а государь, прочтя на лице моем смущение, не настаивал на выдаче виновных».

Царь почувствовал, что зашел слишком далеко в своем негодовании и, сознавая опасность быть растерзанным «покорными» поселянами, быстро изменил тактику. Уже в смущении он бормотал: «Я прощаю вам», взял и стал есть отвергнутые им ранее хлеб-соль, символизируя этим свое примирение с поселянами.

Царь не поехал в Старую Руссу и в округа 2-й дивизии, — там еще продолжались волнения, а войска из Петербурга еще не пришли. Однако медлить с принятием срочных мер по подавлению восстания было нельзя. До прибытия войск было необходимо изъять из мятежных округов резервные баталионы поселенной дивизии, часть которых перешла на сторону восставших, а другая часть действовала вяло и нерешительно. Для выполнения этой миссии царь избрал генерала Микулина. Так же, как и Орлов, Микулин должен был обманным приказом царя вывести из округов мятежные баталионы.

В тот же день, 25 июля, когда царь уехал обратно в столицу, генерал Микулин поскакал из Нов-

города с эскадроном улан Ямбургского полка в Старую Руссу. У генерала, кроме улан, не было надежных войск, но он надеялся справиться и без них при помощи приказа царя, которым он рассчитывал усыпить подозрительность солдат.

27 июля, собрав находящиеся в городе баталионы, он им прочитал приказ о том, что поведет их на высочайший смотр «прямо к царю, которому они могут высказать свои жалобы и неудовольствия». Генерал говорил от имени царя, и баталионы не могли не поверить: выслушав приказ, солдаты спокойно стали готовиться к походу.

В течение двух дней, принимая все меры предосторожности, Микулин выпроваживал из города резервные баталионы. Баталионы были отправлены двумя разными маршрутами и поэшелонно, чтобы не допустить соединения и общения большого количества ненадежных войск. Не будучи совершенно уверенным в спокойствии баталионов, Микулин лично провожал каждую колонну на протяжении всего первого перехода.

Город опустел и затих. Вывод резервных баталионов, принимавших активное участие в восстании, знаменовал собою резкий перелом в движении военных поселян. Кривая восстания постепенно снижалась, хотя еще в округах продолжались отдельные вспышки возмущения. В округах поселяне все еще чувствовали себя хозяевами положения и не повиновались начальству.

Но это была уже агония. Несогласованность действий восставших поселян, отсутствие ясно поставленной цели, отсутствие разработанного плана движения и общего руководства им, вывод из города сочувствующих поселянам вооруженных резервных баталионов, т. е. большей частью молодежи, кровно связанной с восставшими, их

сыновей и братьев — с одной стороны; успевшее оправиться от страха начальство, энергичное руководство Орлова и Микулина подавлением восстания, стягивание к месту восстания правительственных войск, не связанных с поселянами условиями бытового уклада и совместной службы — с другой, сделали свое дело: кривая восстания резко пошла книзу.

29 июля выступили из Новгорода в Старую Руссу и в округа обоих уделов военных поселений приведенные генералом Самсоновым войска. Начались аресты. Николай I мог торжествовать победу: страшное восстание было ликвидировано, можно было начинать суд и расправу.

РАСПРАВА С ПОВСТАНЦАМИ

Разочаровавшись в способностях генерала Эйлера, Николай I поручил произвести следствие и суд над мятежниками генерал-лейтенанту Захаржевскому. 9 августа под председательством Захаржевского в Новгороде была учреждена следственная комиссия, в состав которой, кроме Захаржевского, вошли членами: генерал-лейтенант Данилов, генерал-майор Люце, чиновник V класса Иовец и правитель дел Коншин.

16 августа комиссия приступила к работе. Но огромное число участников восстания во всех округах, многосложность и запутанность происшествий заставили комиссию просить царя об учреждении подсобных комиссий в Старой Руссе и в округах 2-й гренадерской и артиллерийской дивизий. Подсобные комиссии должны были, закончив следствие, разделить обвиняемых на разряды и, не приводя своих приговоров в исполнение, представить их на утверждение центральной новго-

родской комиссии. Царь утвердил проект, и в конце сентября подсобные комиссии тоже начали работу.

Генералы, входившие в состав комиссий, не долго задумывались над тем, какие мощные внутренние рычаги бросали в восстание огромные массы людей. Классово враждебные повстанцам, они чрезвычайно упрощенно решили задачи следствия. Вопреки мнению царя, Орлова, Строганова, Эйлера и других, они пришли к выводу, что «предварительного заговора к мятежу не было, и единственным поводом к возникновению беспорядков явилась холера». Весь социально-политический характер восстания был, таким образом, сразу же затушеван. По мнению членов комиссии, дело имело лишь уголовный характер, поэтому задачи следствия свелись к выяснению степени участия каждого подсудимого в избиениях начальников. По вполне понятным причинам поселенные начальники, на основе показаний которых велось все следствие, обратили внимание лишь на внешнюю сторону событий. Из сведений, посылаемых в следственные комиссии оставшимися в живых поселенными офицерами, видно, что поселенное начальство желало видеть в событиях лишь чистую уголовщину и эту иллюзию поддерживало в членах комиссии.

15 января 1832 г., после пяти месяцев работы, новгородская комиссия окончила следствие и суд над поселянами обоих уделов военных поселений. Комиссия определила наказание огромному количеству мятежников. Их оказалось 4 518 человек, но из этого числа было исключено 558 человек «невиновных или виновных в маловажных преступлениях». 3 960 человек были разделены по степени преступлений на четыре разряда.

Обвиняемые по 1-му разряду, изобличенные в убийстве, были приговорены к наказанию кнутом от 10 до 50 ударов; обвиняемые 2-го разряда — к наказанию шпицрутенами от 500 до 4 000 ударов; 3-го разряда — к наказанию розгами от 50 до 500 ударов и 4-го разряда — исправительно, т. е. подлежали переводу в другие полки и команды, главным образом в Сибирский и Финляндский корпуса.

Наказание было страшное; для назидания поселянам—зрителям экзекуции—оно производилось с такой невероятной жестокостью, что огромное число наказываемых было забито насмерть на месте экзекуции.

Вот как рисуют эту страшную картину очевидцы: «Наказание было произведено в нашем полковом штабе, куда и приводили арестованных из Новгорода. Приводили их ежедневно партиями, окруженных конвоем из эскадрона драгун и под охраною нескольких артиллерийских орудий. Все они были закованы. Когда привели на плац первую партию, то их невозможно было узнать; до того они были исхудалы, печальны и обросли, что не походили на людей. На другой день, рано утром, был собран поселенный баталион на плацу, где уже стоял полубаталион Астраханского полка в боевой амуниции, назначенный для экзекуции шпицрутенами. Поселенный же баталион был выстроен в 50 шагах от полка, с таким расчетом, чтобы мы были зрителями, как будут наказывать наших собратьев. На флангах баталиона стояла артиллерия, по четыре орудия на каждом фланге, заряженные картечью, из опасения, чтобы опять не вспыхнуло мятежа между военными поселянами, так как в числе наказываемых были близкие сердцу родные: дети, мужья, отцы...

«Для большей безопасности кругом плац-парада гарцовали два эскадрона драгун. Вскоре приехал генерал Данилов, назначенный для наблюдения за порядком во время экзекуции. Поздоровавшись с полубаталионом Астраханского полка, он начал говорить солдатам, что, когда придет время наказывать бунтовщиков-поселян, то не щадить их, ибо, кто окажет им малейшую снисходительность, того он сочтет за пособника и ослушника воли начальства, а, следовательно, за такого же бунтовщика, как поселяне... «Стегать их, шельмецов, без милосердия, по чему ни попало», — прибавил он. Затем, обратившись к поселенному баталиону, собранному для присутствования при экзекуции, сказал: «Ну, что, разбойники? Что наделали? Вот теперь любуйтесь, как будут потчевать вашу братию».

После этого он скомандовал войскам: «Смирно! На караул!» Адъютант прочитал бумагу: кого за что судили и к какому наказанию присудили. Оказалось, что 60 человек приговорены к прохождению сквозь строй, а 30 — к наказанию розгами. 20 из 60 должны были получить до 4 000 ударов, 10 — по 3 000, 15 — по 2 000 и 15 — по 1 000 ударов.

«Страшная была картина: стон и плач несчастных, топот конницы, лязг кандалов и барабанный душу раздирающий бой, — все это перемешалось и носилось в воздухе. Наказание было настолько тяжко, что вряд ли из 60 человек осталось 10 в живых. Многих лишившихся чувств волокли и все-таки нещадно били. Были случаи, что у двоих или троих выпали внутренности... По плацу раздавались стоны, вопли, крики о милосердии, о пощаде, но ничего уже не помогало. Правосудие совершалось и никем уже нарушаемо не было. У не-

которых несчастных, как, например, у поселянина Егора Степанова, выхлестнули глаз, и так водили, а глаз болтался; Морозова, который писал прошение от имени поселян, били нещадно. Несмотря на его коренастую фигуру, высокий рост, он не вытерпел наказания, потому что его наказывали так: бьют до тех пор, пока не обломают палок. Ему пробили бок, и он тут же в строю скончался, не пройдя положенное ему число ударов.

«Экзекуцией второй партии распоряжался уже генерал Стессель, который был столь же немилостив, так как из числа 13 человек едва ли осталось в живых 5.

После генерала Стесселя назначен был генерал Скобелев, который уже присутствовал при наказании кнутом».

Эта расправа с поселянами происходила в полку короля Прусского.

Даже привычный к подобным сценам другой очевидец, священник Воинов, относившийся к тому же далеко не сочувственно к поселянам, принужден был, правда, глухо и косвенно, осудить палаческий разгул правительства.

«Призванный в госпитальные палаты для приобщения наказанных святыми тайнами, я был свидетелем другой страшной сцены: от стонов и вида обнаженных частей тела наказанных причетник мой растерялся и оставил меня одного подавать наказанным разную помощь; палаты наполнились глухими стонами; трогательны и поразительны были обращения ко мне поселян. Наконец, изнемог и я и послал сменить меня младшим священником, который и довершил исповедь желающих напутствоваться».

Генералы сменяли друг друга. В Аракчеевском полку экзекуцией распоряжался наиболее жесто-

кий царский опричник, комендант Петропавловской крепости, однорукий генерал Скобелев[1].

«Ну и палачи лихие были, — вспоминает очевидец. — И живо у них дело кипело, — четверо их было: один привязывает, другой бьет, третий клеймит, четвертый отвязывает. Тут же и сквозь строй гоняли. Всего перегоняли больше сотни и до смерти загнали 12 человек. Страшная резня была. Натерпелись ужаса за какие-нибудь два часа на всю жизнь»...

По воспоминаниям очевидцев, такая же беспощадная расправа происходила и в других полках 1-й гренадерской дивизии — Австрийском и наследного принца Прусского. Вынесшие наказание и не умершие после него в госпитале, сразу же отправлялись: наказанные кнутом — в Сибирь в каторжную работу, прогнанные сквозь строй — в арестантские роты и по полкам и командам других корпусов; незначительная часть из приговоренных «исправительно» были отпущены домой, т. е. остались в прежнем положении.

Поздней осенью и зимой приводился в исполнение приговор суда над мятежниками 2-й гренадерской и артиллерийской дивизий и горожанами Старой Руссы.

Официальных сведений о забитых насмерть поселянах Новгородского удела не сохранилось, но по округам Старорусского удела военных поселений на месте наказания умерло сто двадцать девять человек. А сколько сотен человек, вынесших наказание, умерло потом — через месяц, два или год? Сколько осталось на всю жизнь калеками? «Правосудие совершалось и никем нарушаемо не было».

[1] Дед «белого» генерала — М. Д. Скобелева.

Необходимо вкратце остановиться на дальнейшей судьбе мастеровых 10-го рабочего баталиона. Выше было сказано, что благодаря лживому приказу царя были выведены из Старой Руссы мятежные баталионы якобы в Гатчину на высочайший смотр. Был выведен и рабочий баталион, но по тайному приказу царя не в Гатчину, а в Кронштадт, как в место наиболее безопасное. Генерал Микулин лично вывел баталион из города и, окружив его войсками и артиллерией, присоединившейся к колонне около Петергофа, сопровождал баталион до места расправы.

Озлобленный царь не только не забыл о той главной и руководящей роли в восстании, которую сыграл рабочий баталион, не только приказал выделить его «дело» в особую группу дел, не подлежащих рассмотрению новгородской и старорусской следственных комиссий, но лично стал судить «этих отъявленных негодяев». Правда, вести следствие поручено было генералу Клейнмихелю, но в сущности все следствие вел сам Николай I. Он проявил исключительный интерес к следственному делу. И понятно: эта мятежная горсть людей причинила ему столько тревог, огорчений и страхов. Ей он обязан возникновению страшного возмущения, и где же? — у ворот столицы. Поэтому Клейнмихель был только рупором царя. Еще до начала следствия царем были разделены на разряды предполагаемые преступники; точно определено, как содержать их (наиболее важные закованы в кандалы), определено и количество ударов, которое должна вынести та или иная спина. Суд превратился в жестокую комедию. Несомненно, интерес царя к делу рабочего баталиона мог только усилиться еще и потому, что эта горсть людей, одетых в солдатские мундиры, по социаль-

ному признаку представляла собой резкое отличие от своих товарищей по возмущению — солдат-хлебопашцев. Все они оказались рабочими: машинистами, слесарями, кузнецами, каменотесами, столярами и т. п.

Заодно с мастеровыми рабочего баталиона судились и мастеровые полуроты Киевского поселенного полка. 795 обвиняемых были разделены на 4 разряда. Часть повстанцев 1-го разряда была присуждена к колесованию, замененному наказанием кнутом и с «постановлением» штемпельных знаков ссылкой в Сибирь, в каторжную работу. Другая, большая часть—к шпицрутенам и розгам. 270 человек, зачисленных в 2-й разряд, были отправлены в арестантские роты морского ведомства без срока. Остальные зачислены в военно-рабочие роты инженерного корпуса.

21-го января в Кронштадте началась экзекуция. Наказание было тяжким. Над двенадцатью мастеровыми наказание не было окончено «по слабости здоровья их». С места экзекуции они были отправлены в госпиталь до окончания над ними наказания. Но и впоследствии сразу окончить наказание не удалось. Так, мастеровой Платон Чернов «выходил из наказания три раза и был отправлен в Кронштадтскую госпиталь, в которой 11 числа минувшего февраля и умер». Следовательно, за три недели человека, подлечивая в госпитале, наказывали трижды. Это значит: по изрубленной уже ранее палками спине, по кровоточащему мясу, по струпьям, били снова и снова. «Достальное наказание» производилось также в несколько приемов еще над четырнадцатью мастеровыми. Они наказание выдержали. По крайней мере, по официальным данным, сразу после наказаний не умерли.

Так закончились полным разгромом страшные для дворянского государства восстания военных поселян.

Что показали эти восстания? Прежде всего эти восстания показали, как велика и как жестока была эксплоатация крестьян помещиками-крепостниками, с одной стороны, и как велики были ненависть и возмущение крестьян крепостными порядками, с другой стороны. Вместе с этим восстания показали, какой могучей силой в борьбе с эксплоататорами является сила массового движения эксплоатируемого класса, какие упорство и героизм в самые тяжелые для борющихся минуты проявляло восставшее крестьянство, одетое в военную шинель.

Почему же при наличии массового упорства, героизма и силы борющихся крестьян они потерпели такое поражение? К условиям, объясняющим это поражение, надо прежде всего отнести следующие: во-первых, восстание ограничилось определенным районом, а не развернулось во всероссийское классовое крестьянское движение; во-вторых, оно вспыхнуло стихийно, не будучи подготовлено ни с организационной, ни с технической, ни с сознательно-политической стороны; в-третьих, оно не имело единого, общего руководства со стороны такой революционной партии, которая могла бы правильно наметить пути классовой борьбы угнетенных и общие классовые задачи и цели этой борьбы, т. е. задачи и цели освобождения эксплоатируемого класса. Про эти восстания можно сказать то же самое, что В. И. Ленин говорил о причинах неудачи крестьянских восстаний после отмены крепостного права: «Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунта-

ми», и их легко подавляли» [1]. В тогдашней дворянско-крепостной России, в положении тогдашнего крестьянства иных условий, которые обеспечили бы победу крестьян, и не могло быть... История крестьянской борьбы с помещичьим и капиталистическим гнетом во всех странах, так же, как и в России, показала, что крестьянство в его эксплоатируемой массе — середняцко-бедняцкой — не имеет условий для полного освобождения себя от гнета только своими силами. Только в союзе с рабочим классом и под руководством его партии, ведущей к коммунизму, и только с уничтожением капитализма и всяких иных форм угнетения, крестьянство избавится от гнета и эксплоатации. Но эти необходимые факторы, — организованные революционный рабочий класс и его коммунистическая партия, — возникают, развиваются, крепнут и закаляются в борьбе уже в условиях капиталистического общества и осуществляют свою задачу освобождения трудящихся масс от всякого гнета при посредстве диктатуры пролетариата, уничтожая классы.

Примером этому служат Октябрьская революция и диктатура пролетариата в СССР.

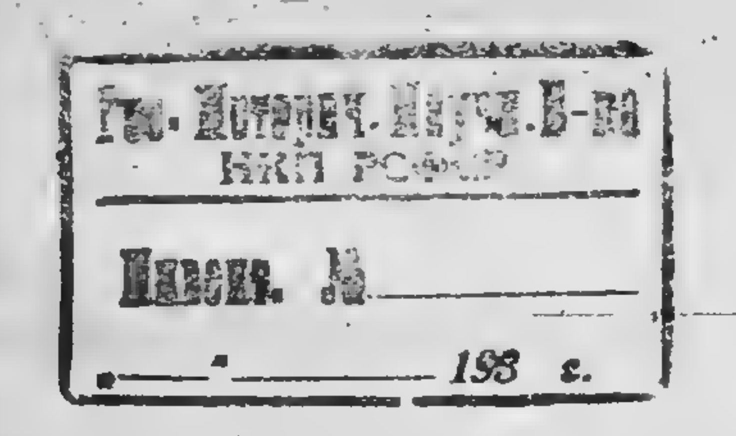
А в условиях первой половины XIX века все усилия борющихся военных поселян и крестьян, весь их героизм и упорство, их огромные жертвы,—все это могло привести лишь к частичным изменениям их положения. Царское правительство, правильно поняв, какую опасность для самодержавия и господствующего класса таило это революционное движение крестьянско-солдатской массы, принуждено было сразу же иначе устроить военные поселения.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, 2-е изд., т. XV, стр. 108.

8 ноября 1831 г. округи военного поселения гренадерского корпуса были переименованы в округи пахотных солдат. С этого времени они уже не принадлежали отдельным полкам, а предназначались для постоянного квартирования впредь назначенных в них войск на общих правилах воинского постоя. В 1857 году южные поселяне, а также округи пахотных солдат были совсем уничтожены; население их зачислено в государственные крестьяне на юге и в удельные — в Новгородской, Могилевской и Витебской губерниях.

Военные поселения были признаны самой реакционной дворянской властью ненужными, но это признание их ненужности было навязано правительству военизированным крестьянством в результате его сорокалетней тяжелой борьбы, страданий и мук.

СОДЕРЖАНИЕ

